
DONNA DARSI
Развод с драконом
Бывших в суп не добавлять!

Donna Darsi

Развод с драконом. Бывших в суп не добавлять!

«Автор»
2026

Darsi D.

Развод с драконом. Бывших в суп не добавлять! / D. Darsi — «Автор», 2026

Семь лет брака, неверный муж-дракон и пятьдесят золотых компенсации. Да он даже мою любимую кастрюлю забрал, жадина чешуйчатая!Но ничего, я женщина мирная. Поэтому вместо скандала всего лишь наложила арест на императорскую казну. Совершенно случайно. Почти.Теперь по мою душу явился Раэн Торвальд — Верховный драконий судья, самый влиятельный, опасный и невыносимый мужчина империи.Он привык, что перед ним склоняют головы. А я привыкла читать мелкий шрифт в договорах и отправлять зарвавшихся драконов туда, куда приличные леди обычно не посылают.Он требует подчинения. Я требую справедливости. Он грозит арестом. Я — встречным иском.А ведь за моим разводом скрывается такая тайна, что кое-кто готов перевернуть всю империю, лишь бы я перестала задавать вопросы.Что ж, господин судья, посмотрим, кто кого!И запомните: бывших в суп не добавляют. А вот нервы новым драконам портить никто не запрещал!

© Darsi D., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мужа забирайте, кастрюлю оставьте! 6
Глава 2. Казна, которая не хотела платить 11
Глава 3. Контора «Последнее слово» 15
Глава 4. У государства плохая память 20
Глава 5. Архив без дверей 24
Глава 6. Неловкие способы сказать «не доверяю» 28
Глава 7. Дети не входят в приданое 32
Глава 8. Пепел, который оставляют враги 36
Глава 9. Пламя с дурным характером 41
Глава 10. Бал, на котором забывают имена 45
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Donna Darsi
Развод с драконом. Бывших в суп не добавлять!

Donna Darsi
Развод с драконом. Бывших в суп не добавлять!
Юмористическое любовное фэнтези. 18+

Глава 1. Мужа забирайте, кастрюлю оставьте!

В тот знаменательный день, когда мой супруг официально перестал быть моей проблемой, он попытался отобрать у меня кастрюлю.

Нет, разумеется, я подозревала, что после семи лет брака лорд Дамиан Арвейн способен удивить меня чем-нибудь особенно отвратительным, однако до сих пор полагала, что у него сохранились хотя бы остатки мужского достоинства. Как выяснилось, достоинство тоже подлежало разделу имущества и досталось исключительно мне.

- Повторите, пожалуйста, - вежливо попросила я, сложив руки на коленях.

Судебный распорядитель, сухонький старичок с лицом человека, которого ежегодно заставляли присутствовать на двухстах разводах, обречённо поправил очки.

- Согласно представленному имущественному перечню, кухонная утварь замка Арвейн, включая медные кастрюли, серебряные приборы и магическую жаровню, принадлежит лорду Дамиану Арвейну как владельцу родового поместья.

- А половник?

- Простите?

- Половник, господин распорядитель. Большой, деревянный, с трещиной на ручке. Им ещё можно бить по голове, хотя я, разумеется, никогда ничего подобного не делала.

За моей спиной кто-то подавился смешком. Дамиан, сидевший напротив, медленно прикрыл глаза. За семь лет совместной жизни я научилась различать оттенки его раздражения с точностью до температуры драконьего пламени. Сейчас мой бывший супруг находился где-то между «замолчи, женщина» и «я сожгу это здание вместе с тобой».

До второго состояния оставалось совсем немного.

- Агата, - процедил он, - прекрати устраивать представление.

- Дорогой, какое представление? Я выясняю своё имущественное положение. Согласись, было бы неловко покинуть твой замок с половником, принадлежащим тебе по праву рождения. Вдруг родовая магия отвергнет следующего наследника без этой бесценной реликвии?

На задних рядах уже откровенно хихикали. Мой супруг побагровел, а его новая возлюбленная, молоденькая драконица Селина в платье стоимостью с небольшую деревню, презрительно поджала губы.

- Не понимаю, - громко произнесла она, - почему некоторые женщины не способны расстаться достойно.

- Милочка, вы совершенно правы. Достойное расставание - чрезвычайно важная часть семейной жизни. Вот только вы начали участвовать в нашем примерно за полтора года до официального развода.

Селина вспыхнула. Распорядитель кашлянул. Судья ударил молотком, а я впервые за всё утро почувствовала себя почти счастливой.

Семь лет назад, когда высокий красавец с драконьими глазами преподнёс мне кольцо из лунного золота, я была уверена, что нашла мужчину, с которым проживу счастливую и невероятно долгую жизнь. Первые два года я действительно ни в чём не нуждалась, кроме возможности заниматься любимым делом.

До замужества я работала в столичной Палате договоров, исследовала старые клятвы, магические обязательства и имущественные заклятия. Однажды провела трое суток без сна, пытаясь доказать, что почтенный герцог незаконно продал соседям озеро, принадлежавшее русалкам. Дело я выиграла. Русалки подарили ожерелье, герцог пригрозил утопить, и в целом это были прекрасные времена.

Но Дамиан заявил, что работа супруги драконьего лорда позорит его род. Я уступила. Потом он попросил отказаться от поездок, подруг и личных счетов, а когда я заметила его

ночные отлучки, оказалось, что он занят укреплением положения семьи. Укреплял преимущественно в спальне Селины.

Первым порывом было поджечь замок. Вторым - спустить с него драконью шкуру. Третьим - вызвать нотариуса. К счастью, победил третий, хотя по поводу первых двух я испытывала некоторые сожаления.

- Итак, - продолжил судья, возвращая меня из воспоминаний, - стороны признают расторжение брачного союза добровольным?

- Да, - сухо ответил Дамиан.

- С огромным энтузиазмом, - сообщила я.

- Леди Арвейн…

- Уже не леди Арвейн. Прошу исправить: Агата Рифф. Звучит приятнее, не находите?

Судья устало выдохнул, однако протокол поправил. Когда он объявил, что дом, деньги, торговые лавки и родовые вклады остаются бывшему мужу, я выслушала решение без возражений. Моей долей оказались пятьдесят золотых крон, сундук платьев и свобода. Последняя не имела цены, зато на неё почему-то отказывались продавать недвижимость.

- Госпожа Рифф, ваши замечания? - спросил судья.

Дамиан уже улыбался, уверенный, что победил. Селина перебирала бриллианты на шее. Я разгладила юбку, встала и достала из сумочки потрёпанный пергамент.

- Один небольшой вопрос. Лорд Арвейн представил полный перечень своих обязательств, включая те, что обеспечены чужими личными подписями?

- Разумеется, - отрезал распорядитель.

Дамиан незаметно выпрямился. Удивительно, что за семь лет брака он так и не усвоил: когда дракон нервничает из-за бумаги, в бумагу необходимо заглянуть.

- Согласно четыреста четырнадцатой статье Старого брачного уложения, супруг, чья личная магическая подпись использована в качестве обеспечения имущественных обязательств без отдельного согласия, вправе потребовать проверки всей цепочки залогов до окончательного закрытия брачного дела.

- Этой статьёй не пользуются сто двадцать лет, - процедил Дамиан.

- Не пользуются и отменили - две большие юридические разницы, дорогой.

Судья протянул руку, изучил текст. Его лицо стало похоже на подсушенную грушу.

- Норма действует. Но вы должны предъявить доказательство использования своей подписи.

Я извлекла второй лист - расписку, которую Дамиан три года назад просил подписать для страхования замка. Внизу значилась моя собственная магическая вязь, вложенная в пустую строку «универсального поручительства». И она до сих пор тихо пульсировала синим, словно под кожей документа билось чужое сердце.

- Это частная переписка! - вскочил Дамиан.

- Нет, это бумага с моим именем. Я могу ошибаться, но пока ещё имею право его произносить и читать.

Он шагнул ко мне; пристав отвернул его плечом. Улыбка бывшего мужа окончательно исчезла. Селина посмотрела на расписку и перестала любоваться собственной персоной.

Для проверки потребовалось положить ладонь на судебный кристалл, назвать себя полным именем и потребовать временного удержания спорных залогов. Распорядитель предупредил, что древняя процедура может сопровождаться побочными эффектами, но уточнить их не сумел: за последние сто двадцать лет никто не решался её проводить.

- Агата Эвелина Рифф, дочь Эдварда Риффа. Требую проверки всех обязательств, обеспеченных моей подписью, и приостановления спорных залогов до установления их законности.

Кристалл засветился голубым, затем жёлтым и наконец красным. Из стены донёсся низкий вибрирующий звук. Судебный молоток подпрыгнул самостоятельно.

- Это нормально? - поинтересовалась я.

- Не совсем, - признался распорядитель.

- ОБНАРУЖЕНА ЦЕПОЧКА ЗАЛОГОВ, - провозгласил кристалл. - ПЕРВЫЙ: РОДОВОЕ ИМУЩЕСТВО ДОМА АРВЕЙН. ВТОРОЙ: ЗОЛОТОЙ РЕЗЕРВ СЕВЕРНОЙ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ. ТРЕТИЙ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАСЧЁТНЫЙ ФОНД ИМПЕРИИ.

Дамиан бросился к выходу. Я впервые по-настоящему испугалась - не его, а того, как стремительно по каменному полу ползли золотые строки обязательств, связывая судейский стол, кристалл и мою ладонь.

- ЧЕТВЁРТЫЙ ЗАЛОГ: ИМПЕРАТОРСКАЯ КАЗНА. ВРЕМЕННОЕ УДЕРЖАНИЕ АКТИВИРОВАНО. СВОБОДНЫЕ ВЫПЛАТЫ ОСТАНОВЛЕНЫ ДО НАЗНАЧЕНИЯ ХРАНИТЕЛЯ.

- Дамиан, - спросила я неожиданно тихо, - ты случайно не заложил всю империю?

Он не ответил. А это было плохо: любой честный супруг немедленно возмутился бы такой несправедливой догадке.

Вдалеке загудели городские колокола. Судья опустился в кресло; распорядитель спрятался под стол. Я попыталась оторвать ладонь от кристалла, но древняя магия удерживала её так крепко, словно сочла мою руку новой государственной собственностью.

- Отпустите меня! - потребовала я. - Если от меня требуется оплата за пользование судебной мебелью, пришлите счёт!

- Госпожа Рифф, вы понимаете, что натворили? - прошептал судья.

- Я обнаружила незаконную подпись. Почему она обеспечивает императорскую казну, лучше спросить у человека, который её использовал.

Дамиан попятился к двери, однако дверь вдруг исчезла. На её месте открылся высокий чёрный проём, заполненный мерцающим золотом. Из него вышел мужчина.

Высокий, широкоплечий, в чёрном сюртуке без единой складки, с темными волосами, тронутыми серебром у висков. Строгое лицо с резкими скулами не выражало почти ничего, зато золотисто-янтарные глаза смотрели так, словно их обладатель лично изобрёл понятие смертной казни и теперь проверял, не пора ли напомнить о нём окружающим.

За ним следовали четверо вооружённых стражей. Все четверо выглядели значительно менее опасными.

- Кто наложил удержание на императорскую казну? - спросил незнакомец негромко.

В зале стало слышно, как тикают часы. Судья поднял палец и указал на меня. Предатель. Хотя, по правде говоря, от судьи после сегодняшнего заседания я уже ничего хорошего не ждала.

- Вы? - уточнил мужчина.

- В некотором роде. А вы, собственно, кто? Мы ведь не представлены.

Один из стражей вздрогнул, будто ему отдавили хвост. Незнакомец медленно снял кожаные перчатки.

- Раэн Торвальд. Верховный драконий судья. Хранитель императорской казны.

Утро, которое начиналось разводом и кастрюлей, явно намеревалось переплюнуть все остальные дни моей жизни.

- Агата Рифф, - ответила я. - Разведена. Практически бездомна. Временно не могу пользоваться правой рукой.

Он посмотрел на кристалл, затем на пергаменты. На скулах проступили жёсткие тени.

- Вы понимаете, что остановили свободные платежи государства?

- Да, мне уже сообщили. Причём несколько раз.

- Отзовите требование.

- Нет.

Последовало молчание, достаточно длинное для того, чтобы распорядитель успел снова спрятаться под стол.

- Госпожа Рифф, - произнёс Торвальд, - вам неизвестны последствия.

- А вам, вероятно, неизвестно содержание четыреста четырнадцатой статьи. Пока источник залога не проверен, отзыв заявления закрепит чужую незаконную подпись навечно. На этот шаг я не пойду.

Он встретил мой взгляд. И я вдруг увидела в его глазах не раздражение, а очень короткий, очень внимательный интерес.

- Дайте мне расписку.

- Получите заверенную копию после регистрации запроса. Оригинал останется у меня.

- Вы торгуетесь с хранителем казны?

- Я защищаю свои права. Неужели разница незаметна?

Кто-то за моей спиной хрюкнул. Я подозревала одного из стражей. Торвальд даже не обернулся.

- Вы не представляете серьёзности положения.

- Напротив. Я прекрасно представляю. Если мои действия незаконны, предъявите обвинение. Если законны, предоставьте документы. А если вас раздражает, что разведённая женщина обнаружила то, чего не видели ваши чиновники, то это уже не юридическая проблема.

Верховный судья подошёл ближе. От него пахло дорогой кожей, древесным дымом и чем-то терпким, напоминавшим грозу. Он оказался достаточно красив, чтобы я мысленно отругала себя за неуместную наблюдательность.

- Госпожа Рифф, - произнёс он почти шёпотом, - вы затронули обязательства, к которым не должны были иметь доступа.

- Вот как? А я-то считала, что к собственной подписи доступ у меня имеется от рождения.

Он коснулся ребра кристалла; руны вспыхнули и выпустили мою ладонь. Я едва устояла на ногах, когда неизвестная сила на миг потянула меня вперёд. Торвальд поймал за локоть и сразу отпустил, словно прикосновение обожгло его не меньше, чем меня.

- Нам предстоит очень долгий разговор, - сообщил он.

- Прекрасно. Но сначала, если вас не затруднит, распорядитесь принести мне обед. Я из-за этого развода даже позавтракать не успела.

Его взгляд стал таким, словно он впервые за сто лет всерьёз задумался, не отменить ли запрет драконам есть людей.

- Вы остановили казну и просите обед?

- Не за счёт казны, разумеется. У меня осталось пятьдесят золотых. Я могу позволить себе суп.

- Капитан Дорн, - не меняя выражения лица, сказал Торвальд, - обеспечьте госпоже Рифф безопасность. До моего распоряжения она не должна покидать здание.

Я выпрямилась.

- Вы только что приказали меня задержать?

- Я приказал вас охранять.

- Какая роскошная разница! Она особенно заметна с внутренней стороны закрытой двери.

Он повернулся к выходу. И лишь у самого порога бросил через плечо:

- Госпожа Рифф, я ещё не решил, кем вы являетесь: блестящим юристом, опасной авантюристкой или пособницей мошенников.

Я улыбнулась ему вслед.

- А я ещё не решила, способны ли вы отличать закон от собственного приказа, господин Торвальд. Значит, нам обоим предстоит интересный день.

Он остановился на полшага, но не обернулся. Дверь вернулась на место с тяжёлым стуком. А капитан стражи, высокий мужчина с лицом человека, предпочитавшего приказы собственной матери, вдруг посмотрел на меня с выражением глубокой, безнадёжной жалости.

- Что? - спросила я.

- Ничего, госпожа Рифф. Просто его светлость никогда не спорит дважды.

- Значит, - заключила я, забирая свои бумаги, - ему предстоит множество новых впечатлений.

Глава 2. Казна, которая не хотела платить

Раэн

За сто восемьдесят семь лет я видел множество способов обрушить государственные учреждения. Их поджигали, заколдовывали, брали штурмом, продавали по частям, а однажды мой предшественник проиграл северное министерство в карты и три недели утверждал, что победитель неправильно истолковал правила. Но до сегодняшнего дня мне не приходилось встречать человека, который остановил расчётную систему империи с помощью одного развода и деревянного половника.

Мой кабинет находился на верхнем ярусе судебной башни, и с утра туда доносилось необычное многоголосие: снизу требовали жалованья солдаты, у закрытых дверей казначейства ругались торговцы, а на мостовой кто-то бил посуду о камни и уверял, что это единственный оставшийся способ расплатиться за хлеб. Запереть город на три часа оказалось проще, чем закрыть одну древнюю финансовую подпись; именно поэтому я не имел права считать выходку Агаты Рифф милой эксцентричностью. У ворот ждал казначей с описью задолженности госпиталю, и я отправил туда личные средства раньше, чем начал выслушивать объяснения чиновников. Вечером Совет всё равно назовёт этот жест расточительством, зато раненые получат повязки сегодня, а не после очередного согласования.

Я помнил другой день, когда поставленная мною печать спасла тысячу людей и обрекла тридцать одного на смерть. Тогда, на Мёртвом перевале, северные ворота закрылись по моему приказу: за ними оставался разведывательный отряд, и я не дал его впустить, потому что за спинами солдат уже двигалась тьма разлома. Позднее оказалось, что запасной тоннель существовал; его просто не внесли на карту. Я до сих пор слышал стук по воротам, когда приходилось принимать решение, не имея права на ошибку. С тех пор я требовал от подчинённых трёх независимых проверок любого чрезвычайного распоряжения, но сам всё чаще верил документам больше, чем живым людям. Эта слабость была куда опаснее моего пламени. Когда мне сообщили, что женщина без должности и титула открыла печать старого закона, я разозлился не только из-за казны: она сделала то, чего я не сумел за многие годы службы, - задала вопрос, который в моём кабинете перестали задавать.

- Её нужно арестовать, - повторил министр финансов Элиан Вард, стоя перед моим письменным столом.

Снаружи мерно били сигнальные колокола. На широком окне проступали золотые цифры неисполненных поручений. В первые минуты судебное удержание остановило все свободные платежи казны; теперь, когда я поставил аварийную печать хранителя, жизненно необходимые выплаты снова проходили через резервный контур. Жалованье городской страже и закупки для лечебниц продолжатся. Придворным же придётся временно забыть о новых каретах, что, если подумать, могло оказаться первым полезным последствием сегодняшнего происшествия.

- На каком основании? - спросил я.

- Она использовала древнюю статью, давно утратившую смысл.

- Статья действующая. Если вы считаете её опасной, почему не внесли предложение об отмене?

Элиан потёр безупречно выбритый подбородок. Человеческий министр был моложе меня почти на сто тридцать лет, но носил усталость так демонстративно, словно лично снабжал солнце топливом.

- Никому и в голову не приходило, что какая-нибудь обиженная супруга…

- Остановится, - перебил я. - Вы сейчас объясняете мне, что система держится на предположении, будто никто не станет пользоваться законом?

Он умолк. Умные люди обычно замолкают в тот момент, когда понимают, что любое следующее слово может быть записано в протокол.

На столе лежала копия расписки Агаты Рифф. Её подпись светилась под увеличительным кристаллом ровно и чисто. Никакого обмана со стороны заявительницы я пока не видел. А вот скрытый залог на казну обнаружился не в одном, а в двенадцати последовательных реестрах, и часть печатей происходила из эпохи, когда сегодняшние финансисты ещё даже не родились.

- Мне понадобится полный перечень операций Северной торговой палаты за семь лет, - сказал я. - И документы, по которым дом Арвейн получил поручительство.

- Это обрушит рынок.

- Рынок обрушивает преступление, министр. Проверка лишь показывает, где именно треснул фундамент.

Элиан выпрямился. За его спиной открылась дверь, и в кабинет вошёл Северин Грейвальд, председатель Высшего совета родов. Седина касалась его тёмных волос так аккуратно, словно её уложил придворный художник, а не время. Он был моим наставником в юности, человеком, который научил меня не путать власть с правом на безнаказанность. Сегодня же Северин выглядел расстроенным.

- Раэн, мальчик мой, - произнёс он, - неужели из-за домашней ссоры ты позволишь вскрывать государственные архивы?

- Из-за незаконного залога, - уточнил я. - И мне давно не двадцать лет.

- В этом отношении у тебя мало что изменилось. Ты по-прежнему опасен своим упрямством.

Я видел, как Элиан облегчённо выдохнул, и сделал мысленную пометку: министр рассчитывал на вмешательство Северина. Само по себе это было разумно. Только почему он смотрел на него так, словно дождался помощи не от политика, а от сообщника?

- Мы проведём проверку в установленных пределах, - сказал я. - А госпожа Рифф будет присутствовать при операциях, затрагивающих её подпись. Иначе любое наше решение она успешно оспорит.

- Женщина, едва вышедшая из брака, не должна управлять имперскими деньгами, - заметил Северин.

- Она ими не управляет. Она требует показать, кто пользовался её именем. Разницу я заметил ещё в суде.

Наставник посмотрел на меня долго, почти с сожалением.

- Будь осторожен. Такие женщины умеют разрушать не только учреждения.

Северин всегда умел заканчивать разговор так, будто последнее слово принадлежало истории, а собеседнику оставалось лишь согласиться с её приговором. В юности я восхищался этим даром, потому что старший наставник почти никогда не повышал голоса, даже когда решал судьбы приграничных крепостей; теперь же мне всё чаще казалось, что за его спокойствием стоит привычка рассчитывать чужие потери раньше, чем пострадавшие узнают о собственном участии в расчётах. Он учил меня отличать необходимую жестокость от удобной, однако именно эту границу я сегодня не мог нащупать.

У входа в казначейское крыло собралась очередь из людей, которым не было дела до университетских споров о старом брачном уложении. Их одежды пахли дождём и дымом дешёвых печей; старик с тусклым значком речной гильдии держал опись зерна, две женщины прижимали к груди разрешения на лекарства, а совсем молодой курьер северной заставы, не снимая дорожных рукавиц, требовал показать ему человека, по чьей вине задержан обоз с защитными рунами. По закону чрезвычайную жалобу следовало подавать секретарю, ждать её регистрации и затем ещё три дня ответа, однако даже моя должность не делала этот порядок менее бессмысленным, когда у людей не оставалось трёх дней.

Я распахнул дверь приёмной и объявил, что выслушаю троих с неотложными заявлениями, после чего остальные получат письменный порядок расчётов через резервный контур. Молодой страж у стены едва не выронил алебарду: владельца императорской печати обычно видели издалека, на официальных церемониях, а не среди промокших курьеров, стоявших на потёртом ковре.

Первым вышел старик. Его зовут Матис Бер, он заведует перевозками муки в южной речной гавани; задержка платежа на два дня, объяснил он, заставит перевозчиков продать часть припасов купцам, готовым заплатить немедленно, и зимой небольшие поселения останутся без дешёвого хлеба. Я приказал оформить государственную гарантию, но старик не спешил радоваться, поскольку прекрасно понимал, как легко министерство объявляет приказ действительным на бумаге и забывает о нём на пристани. Тогда я снял с пальца кольцо хранителя, прижал его к гарантии и почувствовал привычный ожог: отныне, если платёж не пройдёт, долг перейдёт лично ко мне, а магия не позволит сослаться на недостаток ведомственных средств.

- Вы это сделали при свидетелях? - спросил старик и посмотрел на двух женщин за спиной так, словно опасался, что воображение подводит его в столь почтенном возрасте.

- Вы просили не красивых слов, господин Бер, а хлеба для поселений. Если вам опять откажут, приходите ко мне, и мы вместе объясним чиновникам, почему их печати дороже бумаги, на которой стоят.

Вторая просительница принесла список детских жаропонижающих настоев, а третья - счёт за починку ветровых заслонов на речной дороге. Я не мог открыть всю казну, не уничтожив законный арест и вместе с ним единственный доступный Агате способ добиться проверки. Но можно было на время отделить жизненно необходимые расходы от спорных залогов, если подтвердить каждый такой расход собственной силой. К вечеру это обойдётся мне несколькими неделями восстановления огня. Впрочем, я много лет считал личные способности преимуществом должности; пришла пора убедиться, что у преимуществ есть цена.

Когда люди ушли, Элиан появился снова, неся под мышкой папку с алыми углами, и остановился перед ещё не высохшими гарантиями. Он поднял взгляд на мою руку: кожа вокруг перстня побелела, как бывает после слишком частого употребления родового пламени.

- Вы обескровите себя ради случайных требований, - произнёс министр с неподдельным раздражением. - Казна должна действовать как система, а не как совесть одного человека.

- Согласен, - ответил я, придвигая к нему опись срочных расходов. - Поэтому завтра система будет работать без моего участия, если вы покажете, откуда взялись неподтверждённые поручительства.

Вард не взял папку. Его пальцы остановились на краю стола, и я заметил, что он смотрит не на суммы, а на подпись Агаты в приложении. Эта крошечная задержка означала для меня больше, чем десять заявлений о государственной безопасности: чиновник, который годами управлял счетами, боялся не катастрофы, а женщины, способной правильно прочитать документ.

После их ухода я вызвал капитана Дорна. Кассиан появился через секунду - ровная спина, короткие тёмные волосы, свежий шрам у брови. Он возглавлял мою личную стражу одиннадцать лет и за это время ни разу не забыл порядок доклада. До сегодняшнего утра.

- Господин, у меня два сообщения. Первое: заявительница жива, здорова и требует выпустить её из здания суда. Второе: она уже подала жалобу на незаконное ограничение свободы.

- Она успела?

- Тремя экземплярами. Один отправила в канцелярию, второй приложила к нашему приказу, третий предложила мне, чтобы я мог «ознакомиться с последствиями чрезмерной исполнительности».

Я невольно поднял бровь.

- И что ты ответил?

- Что исполняю приказ. Она предложила исполнить его так, чтобы потом не было стыдно перед собственными внуками.

- У тебя нет внуков.

- Я сообщил. Она сказала: «Тем более, есть время исправиться».

Кассиан говорил с тем же выражением, с каким докладывал о передвижении вражеских войск. Только уголок его рта иногда выдавал подозрительное напряжение. Мне решительно не нравилось, что моя стража уже начала развлекаться за мой счёт.

- Отменить ограничение выхода, - распорядился я. - Поставить незаметную охрану. Она свидетель по государственному делу и возможная цель тех, кто пользуется её подписью. Доставить приглашение явиться завтра для независимой экспертизы.

- Приглашение, а не повестку?

- Ты что-то предлагаешь, капитан?

- Только экономию бумажных ресурсов, господин. Повестку она, вероятно, оспорит.

Когда он вышел, я вновь изучил пергамент. Из его магических нитей выступал слабый чужой отблеск: человеческий дар Агаты Рифф был необычайно точным. Подобные подписи не подделывали обычными средствами. Значит, кто-то либо обладал её добровольным согласием, либо сумел вплести его в документ, назначение которого от неё скрыли. Второй вариант делал незаконным почти всё, что произошло после.

В кабинете едва заметно потеплело. Моё пламя реагировало на раздражение, и я давно научился удерживать его под кожей. Сегодня обучение давало сбой. Женщина из суда стояла перед глазами в самом неподходящем виде - с рукавом, зацепившимся за древний кристалл, с приподнятым подбородком и таким взглядом, будто собиралась сначала перевоспитать меня, а потом всю государственную систему.

Я хотел, чтобы она уехала из столицы. Хотел изъять её документы и забыть о нелепом разговоре. Вместо этого отдал приказ включить её в расследование.

Потому что это было законно.

И потому что кто-то уже пытался заставить её замолчать.

О последнем я узнал ближе к ночи, когда капитан вернулся с письмом, перехваченным нашей охраной. На конверте не было печати, только небрежно выведенный адрес дешёвой гостиницы, куда поселилась госпожа Рифф. Внутри лежал обугленный деревянный половник и короткая записка: «Подпись отзови. Или в следующий раз сгорит не дерево».

Я изучил пепел, потом вызвал мага по следам огня. Чары оказались драконьими, но нарочно грубыми, будто поджигатель желал, чтобы подозрение немедленно упало на лорда Арвейна.

- Передайте госпоже Рифф, что я обеспечу ей безопасное жильё, - сказал я капитану.

Кассиан смерил меня странным взглядом.

- Есть опасение, что она откажется.

- Это не просьба о совместной прогулке. Её жизни угрожают.

- Тогда, господин, я советовал бы отправить письменное предложение, а не приказ.

- Дорн, с каких пор ты консультируешь меня по вопросам обращения с женщинами?

- С сегодняшнего утра, - невозмутимо ответил он. - Судя по наблюдениям, вопрос стал служебным.

Я отпустил его, не придумав подходящего наказания. А потом обнаружил себя в состоянии совершенно непривычного беспокойства из-за человека, которого видел меньше часа.

Когда-то отец объяснил мне: дракон страшен не потому, что способен сжечь город, а потому, что способен решить не сжигать. Всю жизнь я учился последнему. Сегодня какой-то неприлично упрямой женщине удалось заставить меня мысленно поджечь собственный кабинет.

Это не предвещало ничего хорошего.

Глава 3. Контора «Последнее слово»

Агата

Утром выяснилось, что свобода стоит дороже пятидесяти золотых. Особенно если в стоимость включить наём жилья, жалованье помощнице и три ежедневных попытки влиятельных мужчин объяснить тебе, как следует жить.

Из гостиницы меня выселили вежливо: хозяйка не хотела, чтобы её заведение однажды сгорело вместе с постояльцами. Ночью ей доставили подгоревший половник с угрозой в мой адрес, и теперь бедная женщина смотрела на меня так, словно я была не пострадавшей стороной, а фитилём бочки с порохом.

- Я всё понимаю, - сказала я, забирая сундук, - но если вас подожгут, обращайтесь. Юридическая помощь пострадавшим от драконов у меня теперь специализация.

Она не засмеялась. Люди вообще редко умеют оценить юмор, когда впервые в жизни получают посылку, пахнущую драконьим огнём.

Мне предложили переехать в охраняемые покои Верховного суда. Предложение пришло на великолепной бумаге, украшенной печатью Раэна Торвальда. К нему прилагались список правил, расписание визитов и указание «не совершать самостоятельных действий, способных осложнить расследование».

Я немедленно написала ответ: «Благодарю за заботу. Намерена совершать только самостоятельные действия, способные облегчить расследование. С уважением, Агата Рифф». Затем нашла в списке свободных помещений маленькую заброшенную булочную на Переулке Пяти Фонарей. У неё были треснувшее окно, скрипучая лестница и печь такого размера, что в ней поместился бы супруг, заслуживший пожизненный отдых. Цена оказалась вполне человеческой.

- Ты купила булочную? - переспросила Беатрис Фогель, разглядывая мой новый офис.

- Арендовала. Булочников держать не собираюсь, хотя это было бы полезно для психического здоровья посетительниц.

Бесси была моей подругой со времён Палаты договоров: невысокая, круглолица, с каштановыми волосами, которые не удерживались ни одной шпилькой, и круглыми очками, постоянно сползавшими на нос. Её уволили за «нарушение установленного порядка представления нотариальных актов», что на человеческом языке означало: отказалась подделать подпись в пользу важного господина.

- А зачем две комнаты? - спросила она.

- В одной буду работать я. В другой - ты.

Очки сползли ещё ниже.

- У меня нет работы, Агата. Ты знаешь, что меня не берут даже проверять счета у городских прачек. Сказали: «Слишком много спрашиваете».

- Вот именно. Я ищу человека, который задаёт много вопросов.

Она посмотрела на меня, медленно улыбнулась и в следующую минуту так крепко обняла, что я едва не задохнулась. Потом, разумеется, мы принялись обсуждать жалованье. Она потребовала чай и выходной каждый четвёртый день. Я потребовала не приводить клиентов через окно. Сошлись на том, что окна должны оставаться только аварийным входом.

Название придумали за обедом. Бесси предлагала «Спасение отчаявшихся дам»; я возражала, что туда начнут приносить больных собак и требовать гаданий. «Развод и свобода» выглядело эффектно, но казалось подозрительно похожим на десятки бюро, возникших после драконьих скандалов. Мы остановились на «Последнем слове» с пояснением: независимая экспертиза магических клятв, договоров и наследственных обязательств. Бесси не удержалась и приписала мелким шрифтом: «Не гарантируем мира с бывшими мужьями».

В съёмном помещении пахло сырыми стенами, клеем и свежим хлебом из соседней пекарни; за перегородкой стучала ложками семья сапожника, а стол под договоры мы выкупили у вдовы столяра вместе с одной упрямой ножкой, которую Бесси пришлось подпирать сводом брачного права. Я наслаждалась этой нелепой самостоятельностью ровно до того момента, когда к дверям подбежала девушка в мокром плаще. Она назвалась Линой, показала синюю полосу на запястье - след родовой печати, - и попросила, чтобы я никому не говорила её фамилии. Я обещала раньше, чем успела проверить, кто слышит разговор.

Первой клиенткой стала Эльза Морвейн.

Внутри бывшей булочной сохранялся запах обожжённой ржаной корки, въевшийся в кирпич за столько лет, что его не смогли изгнать ни открытые окна, ни моя попытка отмыть стены горячей водой с мыльным корнем. На узком подоконнике лежали счета за дрова и мел, напротив двери косо висела вывеска предыдущего арендатора, а над лестницей красовалось пожелание «Пусть ваш хлеб всегда поднимается», написанное столь затейливо, что Бесси немедленно предложила считать его первым официальным благословением нашего дела. Я оставила надпись, хотя понимала, что наше предприятие едва ли похоже на пекарню: здесь людям скорее предстояло разбирать то, что долго и мучительно не поднималось, - настроение, справедливость и размеры семейных компенсаций.

Денег у нас имелось катастрофически мало. Из пятидесяти золотых, выданных мне за семь лет супружества, двенадцать ушли за аренду, четыре - на починку двери, ещё два Бесси потратила на магические чернила, способные проявлять скрытые строки договоров, и я уговаривала себя считать эту покупку производственной необходимостью, хотя на последние медяки пришлось покупать хлеб вчерашней выпечки. Подруга, узнав о моих подсчётах, притащила из дома старый чайник, связку стульев с разными ножками и ящик нотариальных бланков, от которых прежняя Палата отказалась, сочтя их безнадёжно устаревшими.

- У нас будет очередь, - уверяла она, пытаясь закрепить на косяке медную табличку. - Ровно до того момента, как мужья поймут, что мы умеем читать даже то, что их поверенные пишут между строк.

- Бесси, если у нас будет очередь, я с удовольствием поверю в чудеса, но пока ближайшим чудом считаю необходимость вернуть домовладельцу его табурет, который ты объявила вещественным доказательством.

Она засмеялась, однако затем неожиданно посерьёзнела и призналась, что до сих пор просыпается по утрам от одного и того же сна: будто начальник старой Палаты снова вызывает её в кабинет, где она обязана подписать заключение о добровольном согласии женщины, никогда не державшей в руках собственного договора. Именно из-за этого отказа, сказала Бесси, и лишилась службы; официальные бумаги называли причиной «несоблюдение служебной иерархии», что звучало почти прилично по сравнению с правдой. Я знала о её увольнении, но раньше подруга неизменно отшучивалась, когда речь заходила о том деле, и сейчас мне стало ясно, насколько непросто дались ей прошедшие месяцы.

- Тогда у нас будет только одно правило, - произнесла я, выравнивая табличку на глаз. - Никогда не требовать от клиента той подписи, значение которой он не понимает, и никогда не подменять помощь удобной для нас версией правды.

- Даже если правда разрушит чей-нибудь помолвочный вечер?

- Особенно тогда. Хотя цветы из зала я предложила бы забрать нам: здесь слишком мрачно для учреждения, которое намерено дарить людям свободу.

Этой клятвы никто не заверял магией, и всё же она оказалась для меня важнее прежней свадебной. Мы обе слишком хорошо знали, сколько бед приносит документ, в котором красивые слова занимают первую страницу, а настоящие условия прячутся на последней.

Я знала её по светским вечерам: стройная женщина с медными волосами и безупречными манерами, которая даже в момент самого жестокого оскорбления способна улыбаться

так, что оскорбитель сам начинал искать себе могилу. Сегодня манеры едва удерживали её на ногах. Рядом стояли девочка двенадцати лет и мальчик лет восьми. Девочка прижимала к груди потрёпанную книгу. Мальчик пытался зажечь фитиль настольной лампы взглядом.

- Огонь от лампы убираем, - попросила я.

- Я ещё не зажёг, - обиделся он.

- Именно поэтому я прошу заранее. У меня маленький страховой фонд.

Эльза положила на стол брачный договор.

- Муж требует развода и сына. Дочь, по его словам, может остаться со мной, потому что не умеет принимать драконью форму. Если я не подпишу соглашение до завтрашнего вечера, он лишит меня доступа к торговым счетам и объявит неспособной обеспечивать детей.

Я перечитала первые страницы. Титул мужа - виконт Морвейн, торговый дом, семь складов, два северных караванных маршрута. В приложении обнаружилась мерзкая оговорка: ребёнок, проявивший родовой огонь, считался собственностью фамильного наследства до совершеннолетия. По действующему семейному кодексу это не имело силы, но какой-то чиновник всё равно поставил на приложении действительную магическую печать.

- Кто составлял договор?

- Палата нотариусов.

Бесси подтянула документ к себе и напряглась. Мы обменялись взглядами. В нижнем углу стоял тот же знак дополнительного поручительства, что и на расписке Дамиана: почти незаметная спираль из семи узлов.

- Вы ничего не подписываете, - сказала я. - Завтра идём в суд. Потребуем временный запрет на разделение детей и проверку полномочий нотариуса.

Эльза впервые подняла глаза.

- Вы сможете?

- Не могу обещать победу. Но ваши дети не вещи, и ни один договор не вправе превращать их в имущество.

Мальчик наконец сумел выпустить маленькую струйку дыма из носа. Бесси торжественно накрыла лампу крышкой, хотя дыма хватило бы разве что напугать муху. Девочка, Мариэль, неожиданно спросила:

- А если у меня не будет крыльев, мама сможет оставить меня себе?

Вопрос был произнесён так ровно, что у меня болезненно сжалось горло.

- Милая, - ответила я, опускаясь перед ней на корточки, - крылья никак не определяют, кому ты нужна. Ты не вещь, которую можно оставить или забрать. И мы будем добиваться, чтобы суд об этом вспомнил.

После ухода семьи я долго стояла у окна. За семь лет рядом с Дамианом я научилась подозревать, что моя прежняя работа не имела значения. Теперь два напуганных ребёнка напомнили: значение имела не должность, а возможность сказать «нет» там, где все остальные предпочли согласиться.

Ближе к вечеру в офис вошёл Кассиан Дорн. Он сначала осмотрел потолок, стены, лестницу, дверь, мою новую табличку и только затем меня. Полагаю, так выглядит профессиональная болезнь драконьей стражи.

- Госпожа Рифф, - произнёс он, - его светлость просит завтра в девять явиться для экспертизы.

- А если я скажу, что занята?

- Судя по его выражению лица, лучше не надо.

- Я подумаю. Чай будете?

- Я на службе.

- Чай не считается государственной изменой, капитан.

Бесси выглянула из-за перегородки, увидела мужчину в строгой тёмной форме и немедленно уронила стопку папок.

- О, - произнесла она.

Кассиан помог собрать бумаги. Бесси, кажется, решила, что мужская рука с аккуратными сильными пальцами - новая разновидность канцелярской принадлежности.

- У вас неправильно организованы входные маршруты, - сказал капитан, оценивая помещение.

- А у вас, - отозвалась Бесси, - чрезвычайно выразительный взгляд для человека, который предпочитает не разговаривать.

Он посмотрел на неё так, словно услышал незнакомый язык.

- Это не имеет отношения к безопасности.

- Очень жаль. Я как раз собиралась спросить, занимаетесь ли вы безопасностью неженатых женщин после окончания рабочего дня.

Потом выяснилось, что мальчишка-рассыльный, которому я пять минут назад велела отнести в Палату запрос по её делу, видел записанный на конверте номер старого договора. Не фамилию, нет, всего лишь номер; но по номеру её мужа находили за минуту. В тот же вечер в квартиру Лины пришли люди Варда, и девушка успела уйти лишь потому, что соседка спрятала её в бельевой корзине. Когда Бесси рассказала об этом, у меня похолодели пальцы. Я уже придумала десяток оправданий: что служба не должна была передавать сведения, что виноват министр, что я действовала по закону, - но ни одно не отменяло страха женщины, которая поверила мне. Пришлось идти к ней самой, сидеть у низкой кухонной двери, пока она не разрешила войти, и признать ошибку без красивых объяснений. Она не простила меня сразу. И правильно сделала.

Я сдавленно кашлянула. Кассиан оставил стопку на столе с аккуратностью человека, который мог бы уложить полк по алфавиту.

- Завтра в девять, госпожа Рифф, - повторил он и вышел.

Бесси выглянула вслед.

- Какой ужасно правильный мужчина.

- Не вздумай.

- Что именно?

- Воспитывать его. Он вооружён.

- Тем интереснее, - мечтательно ответила она.

Мы обе засмеялись, и на несколько мгновений комната стала по-настоящему уютной. Потом я заметила бумагу, которую капитан оставил рядом с приглашением. Это был охранный ордер: государство предоставляло мне сопровождение на время расследования. Внизу - подпись Торвальда, чёткая, строгая и почему-то успокаивающая.

Я ненавидела его приказной тон. Ненавидела попытки распоряжаться мной. Но обугленный половник сейчас лежал в ящике моего нового стола, и мне было достаточно взглянуть на него, чтобы понять: кто-то действительно не хочет, чтобы я продолжала.

Вечером, когда Бесси ушла, я вернулась к договору Эльзы. Семь узлов в печати слегка сияли при свете свечи. Я увеличила изображение и обнаружила восьмую, почти стёртую черту. Такой знак использовали в старых контрактах на распределение магической энергии. В наших учебниках его изображение сопровождало предупреждение: «Недопустимо без личного участия обоих поручителей».

Именно тогда под дверью просунули записку. Почерк был незнакомым, бумага пахла мокрым камнем.

«Спросите судью, почему семейные договоры держат Щит Семи Ветров. Если спросите вслух - не доживёте до ответа».

Я дочитала строку, потом перевернула лист. На обратной стороне был нарисован маленький дракон без головы.

Какой изысканный способ пригласить женщину к осторожности.

Я заперла дверь на два замка, поставила над косяком сторожевую руну и впервые после развода не почувствовала ни облегчения, ни страха перед будущим.

Только злость.

Дело переставало быть моим личным разводом. Кто-то отнимал у женщин гораздо больше денег. И где-то в городе существовал человек, уверенный, что угрозы заставят меня отвернуться.

Надо будет его разочаровать.

Глава 4. У государства плохая память

Раэн

Государственные архивы были устроены так, чтобы любой честный человек, однажды вошедший в них, навсегда разочаровался в существовании порядка. Тысячи свитков лежали в зачарованных шкафах, номера дел менялись при каждом полнолунии, а главная книга входящих актов трижды в год объявляла себя незаменимым историческим памятником и требовала отпуск.

Драконам полагалось знать историю собственных родов в лицо; людям же чаще приходилось доказывать даже историю собственной фамилии, потому что чиновники считали человеческую память ненадёжной, а драконью - почти бессмертной. В архиве это предубеждение было узаконено печатями: к родословным аристократов вёл прямой коридор, к брачным договорам простолюдинов - лестница на четыре пролёта и дверь, открывавшаяся только в присутствии платного служителя. Я подписал разрешение на такую систему лет сорок назад, когда министр убеждал меня, что иначе нечестные истцы завалят суд прошениями. Теперь у лестницы стояла старуха с опухшими ногами и пятнадцатью медяками в ладони; служитель сообщил, что до полной суммы не хватает ещё трёх.

Я открыл дверь своей печатью и распорядился принять заявление бесплатно. Старуха не поблагодарила, а спросила, сколько ей теперь придётся ждать, чтобы сыну вернули удержанное жалованье. Её вопрос был справедливее моего распоряжения. Случайное милосердие сильного не заменяло закона, который я обязан был исправить. Когда днём Агата назвала эту лестницу «памятником драконьему самодовольству», я не стал её одёргивать; мне хотелось, но пришлось запомнить собственную подпись под сорокалетним указом. Впредь я не мог прятаться за словами, будто ничего не знал.

- Стопки из северной палаты не совпадают с описями, - сообщил Кассиан, стоя рядом с моим столом. - На сорока двух договорах обнаружена одинаковая спираль из семи узлов. Ещё восемнадцать документов временно недоступны.

- Недоступны?

- Их шкаф утверждает, что они умерли.

Я посмотрел на капитана. Тот, не моргнув, положил передо мной официальный рапорт. Архивный шкаф действительно подписал акт о смерти бумаг. Система, которую создавали умнейшие маги нескольких поколений, умела защищать секреты от врагов, но иногда оказывалась совершенно бессильной перед обыкновенным идиотизмом.

В девять ровно явилась Агата Рифф. За ней вошла Беатрис Фогель с двумя сумками документов, корзиной пирожков и видом женщины, которой каждый стражник по дороге задолжал объяснение. На Агате было простое тёмно-зелёное платье, волосы убраны в непослушный узел, а в руках она держала список вопросов. Я опасался именно последнего.

- Прежде чем начинать, - сказала она, - прошу заверить, что мои выводы не будут использованы для лишения меня права на собственную подпись.

- Заверяю, - ответил я.

- В письменном виде.

Я подвинул лист. Она прочитала каждую строку, исправила формулировку «под надзором» на «при независимом участии» и только после этого села.

- Теперь можем работать.

- Поразительно, - заметил я. - Мы сумели начать в девять тридцать восемь.

- Хорошее начало особенно важно для долгих отношений, господин Торвальд.

Кассиан за моей спиной издал звук, удивительно похожий на кашель человека, который едва удерживается от смеха. Я велел ему принести протоколы. Снисхождение к подчинённым тоже имеет предел.

В течение двух часов Агата обнаружила в договорах четыре нарушения, которых не заметили лучшие аудиторы казны. Она не просто читала строки: магическая вязь откликалась на её прикосновения, раскрывая спрятанные уровни поручительства. Когда она нашла свою собственную подпись в фонде закупок пограничного гарнизона, её лицо неожиданно побледнело.

- Эти деньги идут на содержание крепостей? - спросила она.

- Частично.

- И в случае отмены залога выплаты могут сорваться?

- Если мы не заменим источник обеспечения - да.

Она прикусила губу. Я ожидал новой тирады о пороках системы, но вместо этого Агата попросила список ближайших обязательных платежей и почти час вычерчивала способ освободить те средства, что не зависели от спорной подписи. Схема оказалась разумной. Даже Беатрис, наблюдавшая за расчётами, притихла.

- Вы могли сказать об этом сразу, - заметила Агата, закончив.

- Вы могли спросить до того, как назвали меня надменным сторожевым псом государства.

- Не припоминаю «сторожевым».

- Я запомнил.

Она едва заметно улыбнулась, но тут же снова нахмурилась.

- Как вы собираетесь проверять документы, которые оберегает сам казначейский приказ?

- Мы откроем их по решению высшего суда.

- Который вы возглавляете?

- От её личного дела я отстранился. Государственная проверка проходит под моими полномочиями хранителя.

- То есть вы намерены проверить сами себя?

Я посмотрел на неё. Слишком прямой вопрос. Слишком неприятный. И, к моему раздражению, справедливый.

- Я приглашу внешних аудиторов и направлю им отчёты, - сказал я.

Для независимой проверки я вызвал двух магов, которые не имели отношения к ни одному драконьему роду, и старшую архивистку Нерис, прослужившую в казначейской палате сорок три года. Она была человеком, невысокой и сухопарой, с седыми волосами, убранными под строгий платок; при виде меня Нерис не стала ни кланяться до пола, ни дрожать, а спокойно попросила выделить стол поближе к окну, поскольку после заката старые печати начинали путаться в собственных чернилах. Я отметил эту просьбу как первый разумный поступок за всё утро.

Агата разложила перед экспертами копии договоров по семи цветам нитей, объяснив, что родовая магия не всегда равна силе владельца: человеческая подпись удерживает договор там, где драконье пламя могло бы попросту сжечь его. В учебниках это положение упоминалось бегло, потому что аристократические академии предпочитали говорить о величии огненных родов, а не об их зависимости от человеческих специалистов. Когда молодому магу показали документ Эльзы Морвейн, тот немедленно обнаружил переход от личного имущества к детским наследственным правам и спросил, допустима ли подобная связка.

- Допустима при отдельном согласии матери и при независимом подтверждении прав ребёнка, - ответила Агата. - Если этих условий нет, господин магистр, у нас не договор, а попытка превратить детей в приложение к складам.

Один из экспертов, дракон по происхождению, смущённо признался, что никогда не читал брачные договоры собственной семьи дальше заглавной страницы, потому что его отец считал деловые вопросы недостойными внимания наследника. Агата посмотрела на него тем

самым взглядом, после которого мне хотелось не спорить, а спрятать казначейскую печать в карман.

- В таком случае, - сказала она удивительно спокойно, - вы сегодня получите полезный урок: невежество богатого человека часто обходится бедным намного дороже, чем ему самому.

Слова были неприятными, но маг не возразил. Через час он обнаружил три одинаковые поправки к договорам, оформленные от имени разных нотариусов, и сам настоял на сравнении почерка. Я наблюдал, как из разрозненных жалоб возникает общая система, и чувствовал, что прежний порядок осыпается не от бунта и не от одного женского упрямства, а от того, что его впервые рассмотрели внимательно.

Нерис в это время достала из архивного футляра крошечную металлическую пластину, на которой было вырезано изображение семи открытых ворот. Пластина не принадлежала ни одному из списков, а потому могла годами лежать среди списанного имущества, не интересуя аудиторов; между тем её магический рисунок точно совпадал с едва различимой восьмой чертой в договоре Эльзы. Старуха провела по металлу ногтем и тихо произнесла, что видела такой знак в молодости, во время подготовки государственного соглашения о защите северных границ.

- Но тогда говорили о добровольных хранителях, - добавила она, переводя на меня серые глаза. - Семерых людях разных даров, каждый из которых мог выйти из круга без наказания. Позднее формы отчётности изменились, и слово «хранитель» постепенно исчезло, хотя мне никто так и не объяснил, почему.

Я распорядился запечатать пластину отдельно, сделать с неё два независимых слепка и не передавать оригинал министерству без судебного удостоверения. В лице Нерис почти ничего не изменилось, однако она задержала ладонь на футляре, словно боялась, что вещь вновь исчезнет на полке ещё на сорок лет. Мне не нравилось становиться свидетелем того, как уважаемое учреждение подменяло память удобной формулировкой; ещё меньше нравилось, что в этой подмене я сам слишком долго не сомневался.

- Тогда я помогу им разобраться с печатями.

В эту минуту дверь распахнулась, и вошёл Элиан Вард с двумя секретарями. Он принёс распоряжение временно ограничить допуск гражданских лиц к финансовым архивам. Подпись принадлежала Высшему совету родов, печать сияла законно. Я ещё не успел ознакомиться с бумагой, когда Агата прочитала её поверх моего плеча.

- Забавно, - произнесла она. - Получается, женщина не имеет права смотреть на документы, по которым удерживают её имущество, зато чиновники имеют право пользоваться её подписью без разрешения.

- Это мера государственной безопасности, - ответил Элиан.

- Так и запишем: безопасность обеспечивается закрытыми глазами пострадавших.

Я ненавидел подобные приказы, но прямого основания их отменить пока не имел. Отступив на шаг, Агата сделала именно то, чего я опасался: потребовала самостоятельного исследования в отдельном гражданском производстве. Отказ был бы незаконным. Согласие открывало публичное слушание, на котором могли всплыть детали работы Щита.

- Вы ставите нас перед выбором между разглашением и нарушением закона, - сказал я, когда Элиан наконец ушёл.

- Нет, господин Торвальд. Этот выбор создали те, кто прятал незаконные бумаги. Я лишь заставляю его заметить.

Я проводил её до выхода. В узком коридоре мы оказались совсем близко; из её причёски выбилась прядь, на рукаве остался след чернил, а взгляд был усталым, но по-прежнему неуступчивым.

- Вы должны перестать действовать в одиночку, - произнёс я. - Полученные вами угрозы реальны.

- А вы должны перестать путать защиту с поводком.

- Вы не понимаете, с кем связались.

- Если бы я понимала, мне не пришлось бы задавать вопросы.

Она ушла, оставив лёгкий запах цитрусового мыла и ощущение того, что кабинет, где я привык управлять чужими судьбами, стал вдруг теснее.

Днём ко мне пришла молодая счетовод из резервного ведомства. Её звали Ливия, и она принесла ведомость с перечислениями в городские лечебницы. По чрезвычайному распоряжению мы должны были оплатить лекарства до конца недели, однако старый механизм продолжал блокировать часть средств, привязанных к подписи Агаты. Ливия нервничала, боялась, что её уволят, если она не найдёт обходного пути, и передо мной оказался не чиновника с красивой печатью, а человека, от которого зависели реальные больные.

- Господин Торвальд, - сказала она, - можно открыть аварийный контур через городской благотворительный фонд. Но для этого нужны два независимых заверения. Одно у нас есть. Второе принадлежит спорной цепочке, и я не хочу пользоваться чужой подписью без разрешения.

Я посмотрел на схему, которую утром начертила Агата. В ней уже был предусмотрен отдельный путь для медицинских выплат, не затрагивающий спорные обязательства. Женщина, которую Совет пытался представить источником финансовой катастрофы, предложила способ избежать самого болезненного её последствия.

- Используйте эту схему, - сказал я. - И приложите к отчёту имя автора.

Ливия удивлённо посмотрела на подпись внизу: «Агата Рифф, независимый эксперт». Она улыбнулась, увидев, что помощь пришла от человека, которого газеты уже успели обвинить во всех бедах столицы.

После её ухода я написал распоряжение об обеспечении лечебниц и сам поставил контрольную печать. Потом долго смотрел на строку «автор метода». Всю жизнь считал, что лучше других понимаю цену порядка. Но порядок, ради которого не хватает лекарств детям, не стоит даже бумаги, на которой он написан.

В тот вечер я задумался, сколько ещё людей приходило к нам с вполне законными требованиями и уходило, ничего не добившись, только потому, что чиновникам было удобнее не замечать вопроса. Эта мысль оказалась неприятнее обвинений Агаты. Потому что в ней содержалась часть правды, которую мне предстояло исправить самому.

К вечеру пришёл отчёт о выплатах Щита Семи Ветров. Данные были засекречены высшей печатью, поставленной лично Северином. Я знал, что защитный барьер много лет питается добровольными пожертвованиями родовых магов. Во всяком случае, так утверждали отчёты. Но на нижней строке обнаружился странный новый термин: «производное семейное согласие».

Согласие нельзя производить, как монету на станке. Его либо дают, либо нет.

Я с неожиданной ясностью почувствовал, что собственная должность не только даёт мне силу, но и способна сделать слепым. И решил открыть те шкафы, которые объявили себя умершими, даже если придётся лично объяснять им правила жизни.

Глава 5. Архив без дверей

Агата

Я совершенно не собиралась проникать в закрытый архив. Я собиралась всего лишь проверить, куда исчезли семнадцать договоров, содержащих точно такую же печать, как на бумагах Эльзы. Но когда чиновник сообщил, что документы «переданы на вечное хранение», а Бесси обнаружила накладную на их вывоз в соседнее здание, ситуация начала выглядеть вызывающе.

- Никто не заметит, если мы посмотрим только опись, - уверяла меня подруга.

- В последний раз ты говорила то же самое перед увольнением.

- И ни о чём не жалею. Кроме того, что унесла не все доказательства.

Мы направились к зданию Архива клятв в одежде реставраторов. Тея Восс, молодая курьерша с короткими чёрными кудрями и зелёными глазами, встретила нас у бокового входа и вручила два пропуска, которые при сильном желании можно было признать настоящими. Я предпочла думать, что желание у охранников будет слабым.

- Второй этаж, комната без номера, - шепнула Тея. - Но не задерживайтесь: сегодня приезжает Верховный судья.

- Разумеется, - ответила я, - он ведь никогда не выбирает удобный момент.

До комнаты мы добрались почти спокойно. Бесси отвлекла смотрителя спором о повреждённом переплёте, а я вошла в небольшой зал с полками от пола до потолка. Здесь пахло пылью, холодной бумагой и старой магией. Старинные обязательства не любили прикосновений: они шептали фамилии поручителей, мерцали от недоверия и иногда кусались за пальцы. Впрочем, после семи лет брака зубастая бумага не производила на меня должного впечатления.

Я нашла ящик с печатями Морвейнов и Арвейнов. Договор Эльзы оказался четвёртым в серии. В каждом из предыдущих присутствовала одна и та же формула: «согласие семьи распространяется на невидимые обязательства ради защиты общего дома». Слова звучали безобидно, пока не выяснялось, что «общим домом» названа вся империя.

Я уже копировала последнюю строку, когда за спиной раздался знакомый голос:

- Госпожа Рифф. Я начинаю подозревать, что ваши методы исследования тесно связаны с незаконным проникновением.

Торвальд стоял в дверях, сложив руки на груди. Сегодня он был без парадного сюртука, в простой чёрной рубашке и высоких сапогах. От подобного пренебрежения роскошью он выглядел ещё опаснее, что совершенно не способствовало моему сосредоточению.

У входа в нижний уровень архивистка предложила мне защитный колпак, якобы потому, что в хранилище сыплется штукатурка. На самом деле колпаки надевали только человеческим посетителям: драконьи черепа, по её убеждению, обладали врождённой защитой от древних заклинаний. Я положила колпак на стойку и объяснила, что опасаюсь прежде всего собственной ярости, если обнаружу в очередном договоре украденное согласие. За моей спиной раздался знакомый низкий голос: Раэн велел надеть колпак. Я ответила, что это распоряжение он может оформить письменно, после чего прочту его при хорошем освещении. Его терпение кончилось раньше, чем наша перепалка.

- Я пришла с осмотром, - заявила я.

- Какого рода?

- Профилактическим. Проверяю состояние отечественного делопроизводства. Ужасное, кстати, состояние.

- Отойдите от полки.

- Вы так вежливо попросили, что я едва не расчувствовалась.

Он сделал шаг. Я отступила, зацепив подолом выступ на полу. Поначалу мне показалось, что внизу скрывается обычная защёлка, но древняя плита внезапно раскололась огненным узо-

ром, и дверь исчезла. Вместе с ней исчезли окна и все звуки архива. Мир стал тесным, тёмным и очень отчётливо пахнущим чужой самоуверенностью.

- Только не говорите, что это вы, - произнесла я.

- Вы стояли на печати.

- А вы меня отвлекли.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно выругались. Торвальд произнёс что-то на старом драконьем языке, от чего стена с достоинством посинела. Я решила не уточнять перевод.

Комната начала медленно сжиматься: полки приближались к середине, вытесняя воздух. Судья приложил ладонь к стене, но пламя отразилось, едва не опалив его руку. Против драконьей силы здесь стояла противодраконья магия. И против человеческой тоже - я попробовала развязать ближайшую руну, но получила резкую боль в запястье.

- Это не обычная защита архива, - сказал Торвальд. - Кто-то поставил ловушку.

В узком проходе он удержал меня за плечо, когда под ногами сдвинулась плита; я почувствовала, как его ладонь мгновенно согрелась, а на костяшках проступили чёрные чешуйки. В темноте зрачки Раэна вытянулись вертикально, и я вдруг вспомнила, что передо мной не просто важный судья. «Ещё одно самовольное движение - и я вынесу вас отсюда», - сказал он слишком тихо. «В зубах?» - поинтересовалась я, хотя сердце скакнуло куда-то к горлу. Он отпустил меня так резко, словно сам испугался желания удерживать; в следующую секунду из стены ударила связка охранных игл, и он заслонил меня предплечьем. На полу остались три расплавленных наконечника. Мы не извинились друг перед другом: мне было стыдно за насмешку, ему - за тон, но обоюдная злость оказалась слишком привычным способом не замечать дрожи в собственных пальцах.

- Прекрасно. Значит, хотя бы один вопрос у нас закрыт.

- У вас есть предложения?

- Да. Для начала перестаньте командовать каждой моей мыслью.

В следующие десять минут мы перебрали четыре способа открыть дверь, три способа сломать стену и один, предложенный мною в раздражении, - издать официальный приказ комнате прекратить безобразие. Торвальд почему-то не оценил последний, хотя я была уверена, что с его голосом можно заставить повиноваться даже мебель.

Когда стены подались ещё на ладонь, я наконец перестала шутить, поскольку ближайшая полка медленно смяла пустую подставку для рукописей, и сухой хруст дерева слишком напоминал то, что могло через несколько минут случиться с нашими рёбрами. В тесном воздухе смешались запах старого воска, пыль, поднимавшаяся с каждого сдвигающегося камня, и едва заметная горечь драконьего пламени; Раэн стоял между мной и движущейся стеной, не переставая осматривать печати, а я всё чаще ловила себя на том, что слежу не за его руками, а за выражением лица. От человека, способного одним приказом задержать министра, мне хотелось привычной самоуверенности, однако теперь за ней проступало совершенно непарадное беспокойство.

- Вы ведь сейчас не собираетесь взорвать комнату вместе с нами? - спросила я, разглядывая чёрный след на стене.

- Пока нет. Но если предложите ещё три способа открыть дверь без помощи магии, я могу изменить решение.

- Зато умрём при исполнении вашего последнего распоряжения. Родственникам выдадут памятные грамоты, а министерство непременно объявит случившееся несчастным случаем, поскольку признаться в недостатках архивного хозяйства для него невозможно.

Раэн скосил на меня взгляд, но не велел замолчать. Вместо этого он осторожно опустился рядом с повреждённой плитой и обнаружил под слоем пыли небольшой керамический цилиндр с выцарапанной датой. Он был старше любой известной мне архивной книги; на нём не значи-

лось имён изготовителей, а только семь крошечных выемок, в каждой из которых сохранился иной оттенок золы. Я попыталась поднять находку кончиками пальцев, однако цилиндр оказался частью стены, которая с негромким стоном сдвинулась ещё ближе.

- Не трогайте, - коротко предупредил Раэн, перехватив моё запястье.

- Предупреждать принято до того, как любопытная женщина совершит роковую глупость. Неужели это не внесено в ваш служебный устав?

- Там длинный раздел о людях, которые не читают предупреждений. Подозреваю, его писали специально для вас.

Он отпустил мою руку так быстро, будто и сам заметил, что задержал её на лишнее мгновение. Мне следовало бы возмутиться, но я вдруг почувствовала неловкую благодарность, не имевшую ничего общего с его должностью. Дамиан много лет объяснял каждое своё вмешательство заботой, а затем использовал эту заботу как разрешение распоряжаться моей жизнью. Верховный судья, которого я считала ещё более властным, сейчас, напротив, не стал требовать, чтобы я отошла в угол и позволила спасать себя; он лишь показал, где мог прятаться опасный механизм, и ждал, что я найду в нём смысл.

В детстве отец учил меня различать две вещи, которые для многих магов казались одинаковыми: защитную печать и принудительное обязательство. Первая не позволяла постороннему войти без разрешения, второе заставляло человека исполнять чужое решение даже тогда, когда формально он уже сказал «нет». Я вспомнила его старый рабочий стол с пятнами чернил, материнский голос из соседней комнаты и маленькую деревянную шкатулку, в которой хранились образцы договорных символов. Отец говорил, что добрый мастер узнаётся по тому, как легко его конструкцию можно остановить. Плохой - по тому, сколько сил нужно, чтобы доказать собственное право выйти.

- Вам известны печати, которые питаются попыткой их сломать? - спросила я, счищая пыль с пола рукавом.

Раэн не стал отвечать сразу. В его глазах на мгновение отразилось воспоминание, которое не имело отношения ни к архиву, ни к моему делу; потом он назвал старую пограничную крепость, где однажды погибла группа военных магов. Чем яростнее солдаты били по окружившему их щиту, тем плотнее становилась оболочка, и к утру отряд остался без сил. Тогда Раэн, ещё молодой дракон на службе у Северина, обнаружил, что стену можно было просто обойти, перестав признавать её единственным выходом. Но здесь обхода не было, а значит, он понимал серьёзность ловушки не хуже меня.

Впервые за время нашего знакомства мы говорили об одном и том же, не пытаясь выиграть спор. Я попросила его убрать руку от треснувшей плиты, чтобы проверить рисунок под ней, а он послушался без снисходительного замечания. Стена вновь сдвинулась, и я почувствовала холодный страх, но теперь он не мешал думать: прежние решения провалились, сила не помогала, а значит, оставался единственный язык, которым эта древняя магия могла воспользоваться, - язык условий, прав и чужой воли. Я потянулась к полу, пока последние свободные пяди ещё позволяли разглядеть орнамент целиком.

Наконец я заметила на полу семь соединённых линий. Не замок, а обязательство. Комната поддерживала себя за счёт магии находящихся внутри людей. Чем сильнее дракон давил огнём, тем крепче становилась ловушка.

- Вам придётся прекратить превращать всё в пепел, - сказала я.

- И что вы предлагаете?

- Дать мне посмотреть на вашу магию. Совсем немного. Я не стану её забирать.

Он замер. Для дракона просьба прикоснуться к его истинному пламени означала почти то же, что попросить человека отдать ключ от собственного сердца.

- Я вас едва знаю.

- Замечательно. Я вас тоже. И хочу сохранить это печальное положение хотя бы до завтра. Поэтому выбирайте: либо доверяете мне на минуту, либо мы останемся здесь вдвоём навсегда, а это уже похоже на особо жестокое наказание.

Торвальд смотрел долго. Потом снял перчатку и протянул руку. Ладонь была тёплой, чуть шероховатой, с тонким белым шрамом у основания большого пальца. Когда наши пальцы соприкоснулись, по стенам пробежал слабый золотой свет, а внутри меня что-то неожиданно отозвалось, словно знакомая мелодия, которую я никогда не слышала.

- Не отвлекайтесь, - тихо сказал он.

- Я пытаюсь не отвлекаться, но у вас подозрительно горячие руки.

- Это драконье пламя.

- Надо же. А я уж подумала, что вы нервничаете.

Мы пустили магию по разным линиям, и я увидела уязвимое место в печати: древний договор был заключён на двух поручителей, а теперь пытался использовать нас как один источник. Я потянула человеческую нить, Торвальд ослабил драконью, и контур оказался противоречивым. Комната дрогнула. Сначала появилась трещина, затем дверь, затем шум снаружи.

Я выскочила на коридор прежде, чем полки успели передумать. Бесси бросилась ко мне с таким лицом, будто собиралась меня либо обнять, либо убить. Кассиан стоял рядом, а Тея за его спиной старательно изображала настенную вазу.

- Я же просила не задерживаться! - воскликнула Бесси.

- Это мы ещё быстро, - ответила я. - Если бы не господин Торвальд, провели бы здесь остаток жизни и, уверена, нашли множество поводов для развода.

Раэн провёл ладонью по разбитой плите. На его лице не было привычной насмешки.

- Эта ловушка активировалась только при участии двух разных видов магии. Кто-то знал, что мы придём сюда вместе.

Бесси перестала причитать. Тея очень медленно отступила от стены.

- С чего вы взяли, что вместе? - спросила я.

- Потому что дверь появилась не тогда, когда вы вошли. Она закрылась, когда вошёл я.

Слова прозвучали неприятнее любого приказа. Меня использовали как приманку, а Верховного судью - как добычу. И я до сих пор не могла понять, кто именно расставил ловушку.

На выходе Торвальд протянул мне платок: я расцарапала ладонь о каменную кромку. Платок был белоснежный, вышит маленьким чёрным драконом.

- Возьмите. И пообещайте, что в следующий раз позовёте меня до проникновения в запретную комнату.

- Вы просите обещание или выдаёте распоряжение?

- Сегодня - прошу.

Это было настолько неожиданно, что я не нашла подходящего возражения.

- Хорошо, - произнесла я наконец. - Но не думайте, что теперь мы друзья.

- Об этом я бы не посмел мечтать, госпожа Рифф.

Он произнёс это с самым невозмутимым видом, и только в уголке его рта мелькнула почти незаметная улыбка, из-за которой мне почему-то захотелось немедленно начать новую ссору.

Глава 6. Неловкие способы сказать «не доверяю»

Раэн

Дамиан Арвейн вошёл в мой кабинет с уверенностью человека, который всю жизнь путал хорошее происхождение с правом не отвечать на вопросы. На лацкане его сюртука красовался новый бриллиант, хотя банковские счета рода были временно заблокированы. Интересная финансовая привычка.

«Вы пришли просить меня о помощи или похвастаться тем, сколько людей способны запугать?» - спросил я. Он предложил решить всё тихо: я отменю проверку родовых поручительств, он простит Агате долг и перестанет интересоваться адресами свидетельниц. Тогда я почувствовал, как на пальцах выступают чешуйки. Дамиан побледнел, но остался сидеть. Я медленно убрал руку со стола. Если бы я ударил его, всё дело превратилось бы в историю о ревнивом судье и бедном пострадавшем лорде, тогда как Агате снова пришлось бы доказывать собственную правоту. Я записал каждое слово предложения под протокол и вызвал независимого секретаря.

- Господин Торвальд, - начал он, - я желаю подать заявление о вымогательстве. Моя бывшая жена требует часть имущества и угрожает государственным скандалом.

- В заявлении нет требования отдать ей имущество, не связанное с её подписью. Напротив, она просит проверить источник залога. Где вы взяли расписку?

- Подписала сама. Я ничего не скрывал.

Я положил перед ним копию документа с пустой строкой суммы. Он взглянул на неё, будто увидел неприятного родственника.

- Тогда вы не станете возражать, если мы вызовем составившего её нотариуса?

- Нотариус умер.

- Как удобно.

Дамиан положил на мой стол квитанцию, не имеющую отношения к государственным делам: он выкупил долг хозяина здания, где Агата открыла контору, и теперь требовал выселения. В графе «основание» стояло законное слово «переуступка», которое в его устах звучало почти как удовольствие. Я мог запретить ему приближаться к собственности свидетеля, но он произнёс фамилию Лины - женщины, чей договор Агата случайно раскрыла через номер запроса. Угроза не оставляла сомнений: Дамиан намеревался использовать её ошибку и мою должность против нас обоих.

- Вы обвиняете меня?

- Пока я задаю вопросы, лорд Арвейн. Разница существенна, хотя вам, вероятно, незнакома.

Он побагровел. Я слушал его оправдания и думал о ловушке в архиве. Кто-то тщательно следил за перемещениями Агаты, но отнюдь не стремился убить её сразу. Её использовали как ключ. А значит, бывший муж мог быть частью игры, даже не понимая правил.

К полудню пришло сообщение: Агата встречалась с Дамианом в чайной на Рыночной площади. Она не предупредила охрану. Зато оставила стражнику записку, что свободная женщина имеет право пить чай с любым придурком, если тот владеет полезной информацией. Почерк был отчётливый и почти вызывающий. Кассиан, передавая мне записку, смотрел в стену.

- Вы знали о встрече заранее? - спросил я.

- Нет, господин. Узнали, когда охраняемая подруга заплатила счёт и ушла через кухню.

- Каким образом она заметила наблюдение?

- Она просто спросила нашего человека, не хочет ли он пирожного, раз уж третий час смотрит на одну витрину.

Я отправился к Агате лично. Не потому, что она встретилась с бывшим мужем, уверял себя я, а потому, что неосторожная свидетельница могла поставить под угрозу весь процесс. Эта мысль держалась ровно до того момента, как я увидел, что она смеётся над чем-то, сказанным молодым нотариусом возле её конторы.

Не знаю, почему это вызвало раздражение. Нотариус имел право шутить. Агата имела право смеяться. Я имел право не замечать. Из трёх очевидных истин хуже всего получалась последняя.

- Госпожа Рифф, - произнёс я, когда нотариус наконец удалился, - ваша встреча с Арвейном нарушила установленный порядок охраны.

Она закрыла дверь перед самым моим носом. Я успел поставить ладонь на косяк.

- Порядок охраны - ваш, а жизнь моя, - заявила она. - Если вы пришли читать нравоучение, приготовьтесь к долгому вечеру. У меня новый чайник.

Внутри было тесно. На столе лежали тетради, на подоконнике сохли детские рисунки, пахло булочками. Бесси исчезла под предлогом вынести мусор и, судя по подозрительной тишине, немедленно прильнула ухом к двери.

- Что вам рассказал бывший муж?

- Что мне не стоит связываться с верховным судьёй. И что я ещё пожалею о разводе.

- Он предлагал вам деньги?

- А вы считаете меня достаточно дешёвой, чтобы их взять?

Я помолчал. Надо было сформулировать мысль осторожно; я же выбрал самое неудачное выражение из всех возможных.

- Вы семь лет позволяли ему решать за вас. Я не уверен, что вы способны оценить угрозу без посторонней помощи.

Слова повисли между нами. У Агаты на секунду исчезло выражение лица. Не вспыхнула ярость, не поднялись брови - исчезло всё. Я мгновенно понял, что ударил именно туда, где у неё до сих пор болело.

- Вы правы, - сказала она очень спокойно. - Семь лет я отдавала решения мужчине, который убедил меня, что знает лучше. Не повторю этой ошибки, даже если второй мужчина вдвое богаче и втрое страшнее.

- Агата, я не это имел в виду.

- Но именно это сказали. Вы присвоили себе право решать, как мне жить, хотя на деле знаете обо мне меньше, чем ваш капитан знает о танцах.

Я попытался возразить. Она не дала.

- А теперь скажите честно: сколько лет вы наблюдали за договорами родов и не замечали, что женщин используют как залог? Или замечали, но считали государственное удобство важнее чужой свободы?

Это был нечестный удар. Отчасти потому, что оснований для ответа у меня не было. Отчасти потому, что я сам задавал себе тот же вопрос с тех пор, как увидел отчёты Щита.

- Вы выходите за пределы своих полномочий.

- А вы, похоже, так привыкли жить внутри полномочий, что перестали различать людей за печатями.

Она открыла дверь. Я мог приказать ей остаться. Мог напомнить об угрозах, объяснить, что опасаюсь за её жизнь. Вместо этого молча вышел. Когда дверь закрылась, мне показалось, будто я проиграл не спор, а что-то гораздо более серьёзное.

Я вернулся в кабинет, но вместо работы неожиданно отправился в городской суд, где ещё утром шло заседание по делу Эльзы Морвейн. Протокол лежал в отделе надзора. В нём значились сухие слова о детской опеке и спорном наследовании, но между строк я увидел то, что до сих пор упускал: система не просто отнимала деньги. Она позволяла сделать ребёнка аргументом в имущественном споре.

В соседнем зале сидела женщина с грудным младенцем. Отец ребёнка, мелкий драконий дворянин, требовал признать его родовым наследником и забрать у матери, потому что та родилась человеком. Судебная секретарша пыталась объяснить ей расписание следующего слушания, но женщина только повторяла, что ребёнок ещё слишком маленький и не умеет оставаться без неё. Я подошёл, попросил показать документы и увидел ту же старую оговорку о «родовом владении магическим потомством».

- Это не действует по гражданскому закону, - сказал я. - Попросите суд назначить временную защиту.

Она посмотрела на меня с отчаянной недоверчивостью.

- Я уже просила. Секретарь сказал, что против родового договора ничего нельзя сделать.

Я позвал судебного пристава, велел немедленно зарегистрировать ходатайство и назначить адвоката, не связанного с семьёй отца. Слова были простыми, но на лице женщины появилось такое облегчение, будто ей вернули возможность дышать.

Когда она ушла, я остался возле пустой скамьи. Несколько часов назад я обвинял Агату в том, что она не умеет принимать решения после семи лет чужого контроля. А сам годами возглавлял ведомство, где людям объясняли, что древний договор сильнее их собственного голоса.

В канцелярии меня ожидала маленькая война, о которой никто из приближённых Северина не собирался докладывать. Руководитель гражданской палаты, почтенный дракон с гладкой бородой и десятком родовых медалей, отказывался принимать решения о временной защите человеческих матерей, если их супруги оспаривали опеку по древнему обычаю. Он ссылался на прецеденты, заверенные его предшественниками, и уверял, что вмешательство Верховного судьи подорвёт доверие знати к независимости местных судов.

- Независимость суда от закона не входит в число его достоинств, - ответил я, заставляя себя говорить спокойно. - Вы вправе не любить новые правила, но обязаны применять действующие, особенно когда речь идёт о ребёнке, которого завтра могут увезти неизвестно куда.

Чиновник обиделся на слово «обязаны» настолько искренне, что я едва не рассмеялся. В юности мой отец объяснял: привилегия редко ощущается как привилегия тем, кто родился внутри неё; гораздо чаще любое ограничение кажется этим людям грубым нарушением естественного порядка. Я не заметил, как перенял его интонацию и начал говорить с людьми так, будто слова, произнесённого мной однажды, достаточно для изменения их жизни. Агата ненавидела во мне именно это, и теперь, глядя на раздражённого судейского старика, я неожиданно понял, как тяжело находиться по другую сторону привычной уверенности.

Я назначил независимый пересмотр дел, где под видом семейной традиции дети объявлялись залоговым имуществом, и потребовал от секретарей проверить жалобы за предыдущие пять лет. Затем на глазах у пристава снял с двери табличку «Приём граждан по специальному разрешению» и приказал заменить её расписанием открытых консультаций. Это была малая мера, недостаточная для искупления многолетней слепоты системы, однако я наконец получил решение, последствия которого могли наступить уже завтра, а не после бесконечного обсуждения в Совете.

На лестнице меня догнала та самая женщина с младенцем, державшая теперь в руках временное судебное предписание. Она не благодарила меня пылко, как делали просители на приёмах, где присутствовали репортёры; только сказала, что впервые за полгода сможет спокойно уложить сына спать, не прислушиваясь к шагам чужой охраны за дверью. Я хотел ответить привычным пожеланием удачи, но промолчал, понимая, как унизительно звучит пожелание там, где человеку годами отказывали в защите, предусмотренной законом.

Уже ночью я открыл папку Агаты и прочитал её собственное заявление о расторжении брака целиком, а не только те страницы, где была указана незаконная печать. В ней находились семь лет скучных перечислений: покупки для родового дома, отказ от должности, подпи-

санные под диктовку распоряжения, бесконечные поездки мужа, после которых жена брала на себя объяснения перед управляющими. Ни жалоб на унижение, ни просьб наказать неверного супруга. Только упорядоченные доказательства того, как постепенно из жизни одного человека исчезало право выбирать.

Меня вдруг отчётливо обожгло воспоминание о собственной фразе: «Вы семь лет позволяли ему решать за вас». Какая удобная формулировка для мужчины, никогда не имевшего дела с той медленной подменой, когда каждое уступленное решение сперва кажется пустяком, а затем обнаруживается, что уступлена вся жизнь. Я не мог исправить сказанного одним извинением и уж тем более дорогим букетом, каким светские лорды привыкли закрывать самые отвратительные проступки. Поэтому на следующий день намеревался показать Агате результаты пересмотра - не в качестве дара и не для получения прощения, а как доказательство, что её слова заставили меня действовать.

Я ещё не знал, смогу ли вернуть её доверие. Но больше не хотел быть мужчиной, чьи хорошие намерения превращаются в оправдание чужого унижения.

Позже вечером Кассиан доложил о новых обстоятельствах. Человек, передавший Агате угрозу, оказался мелким курьером, получившим деньги через банк Варда. При задержании он умер от встроенной в зуб магической иглы. На его ладони осталась пыль семи узлов - тот же знак, что на договорах.

- Наши враги умеют избавляться от свидетелей, - сказал капитан.

- А значит, Агата следующая.

- Мне усилить охрану?

- Да. Незаметно. И попроси… - Я остановился. - Нет, передай, что завтра ей предоставят документы, о которых она просила. Полный перечень операций. Без моего личного участия.

Кассиан ждал продолжения.

- Что ещё?

- Ничего, господин. Просто впервые слышу, чтобы вы извинялись на языке финансовых документов.

- Дорн.

- Исполняю.

После его ухода я долго сидел перед окном. Ни одна из моих побед не требовала столько мужества, сколько требовалось сегодня, чтобы признать: я обидел человека, которого должен был защищать. Я решил исправить ошибку делом, а не словами, поскольку последние, как показал опыт, в моём исполнении слишком часто превращались в оружие.

На столе вспыхнуло переговорное зеркало. В нём возникло лицо Северина. За спиной наставника мерцали золотые колонны Совета.

- Ты близок к разгадке, Раэн. Остановись, пока ещё можно избежать беды.

- С чьей стороны?

Северин долго смотрел на меня.

- Иногда государство держится на тайнах, которые хороший человек не желает знать. Ты ещё поймёшь.

Зеркало погасло. Я ощутил холодок, которому не мог противостоять драконьим пламенем. А на следующий день, открыв список переводов банка Варда, обнаружил счёт, с которого оплачивали стражу на границе. Он вёл не к дому Арвейн, а к одному из старейших родов империи.

К дому Грейвальд.

Глава 7. Дети не входят в приданое

Агата

Суд по делу Эльзы начался с того, что её муж потребовал убрать из зала дочь. Не потому, что девочка нарушала порядок, - она сидела тихо, прижимая к груди свою книгу, - а потому, что «человеческое отродье» якобы оскорбляло присутствующих драконов.

Я поднялась прежде, чем председатель открыл рот.

- Прошу занести слова виконта в протокол. Они прямо подтверждают предубеждение, на котором основано требование об опеке.

- Я имел в виду, - запнулся виконт Морвейн, - что у девочки отсутствует родовое пламя.

- Значит, она не дочь?

- Вы передёргиваете!

- Нет, милорд. Я просто пытаюсь узнать, с какого возраста дети перестают считаться людьми и начинают считаться удобным приложением к вашему имуществу.

Эльза сжала мою руку под столом. Это было единственное внешнее движение, по которому я поняла, насколько ей страшно. Теодор сидел рядом со стражем, слишком серьёзный для восьмилетнего мальчика. Мариэль смотрела в пол. Я видела, как она старается не плакать, и от этого готова была вступить в бой даже с самим императором. К счастью, пока требовалось справиться только с виконтом.

Его адвокат представил договор на семейное наследование. Бумага была безупречной: правильная печать, два свидетеля и родовая подпись. Но внутренняя нить мерцала семью знакомыми узлами.

- Прошу разрешения провести независимую проверку, - сказала я.

Председатель колебался. В дверях появился Раэн Торвальд в сопровождении Кассиана. Он не вмешался, не произнёс ни слова; просто сел на место наблюдателя по делу о спорной магической печати. Я поймала его взгляд и тут же отвернулась. Со вчерашнего дня мы не разговаривали, если не считать его сухой записки о доступе к документам. Извинение было написано так осторожно, что по нему можно было строить мост, но совсем нельзя было понять, сожалеет ли мужчина о своих словах.

- Проверка разрешена, - наконец объявил председатель.

Эльза не засмеялась. Она подошла к сыну, присела рядом и сказала при всём зале, что ни одна искра не делает его плохим, а отсутствие искр не делает его сестру хуже. Судья напомнил о порядке; я попросила занести материнские слова в протокол, потому что десятки страниц договора учили этих детей противоположному. Раэн стоял у дальней колонны, и в его лице я увидела не снисходительную усталость человека, который знает законы лучше других, а гнев, страшный именно своей сдержанностью: золотой свет под веками погас, словно дракон спрятал пламя слишком глубоко. После заседания он не стал обещать мне скорой победы. Он предупредил, что опека семьи пока сильнее нашего определения, и от этого его честность была почти невыносимой.

На скамье свидетелей Мариэль держалась так прямо, что её позвоночник, наверное, заболел ещё до конца первого вопроса. Когда адвокат отца предложил ей доказать, что она достойна фамилии драконьего рода, девочка машинально спрятала руки под локти - в их семье принято было проверять, достаточно ли горячими становятся ладони перед превращением. Я заметила это движение, но вмешаться не успела: Теодор вскочил и выдохнул маленькое облачко дыма прямо в кружевной парик защитника. Зал взорвался смехом, а ребёнок так испугался собственной выходки, что немедленно попросил прощения у матери за «неправильное пламя».

Я приложила ладонь к договору. Золотые нити разошлись, открыв скрытую строку: «Родовое имущество включает будущие магические проявления потомства». Значит, мальчика

хотели забрать не для воспитания, а как будущий источник драконьего пламени. Формулировка нарушала действующий закон о детях, но была защищена старым соглашением, будто оно имело больший вес.

- Гражданский закон прямо запрещает залог личности ребёнка, - сказала я. - И никакой родовой обет не может отменить этот запрет. Прошу временно оставить обоих детей с матерью, пока спорный документ проверяют.

Виконт вскочил.

- Она не сможет содержать дракона! У неё нет денег!

- Деньги у неё были, - спокойно ответила Эльза. - Пока вы не закрыли мне доступ к торговому дому, который мы создали вместе.

Я положила перед судьёй накладные, подтверждавшие её личное участие в бизнесе. Слишком долго женщины империи работали в семейных конторах без собственных подписей, а потом обнаруживали, что ничего им не принадлежит. Но Эльза сохранила письма, счета, договоры с купцами; её аккуратность была не менее опасна для мужа, чем моя юридическая настойчивость.

Суд назначил временную опеку за матерью и запретил отчуждать торговые активы до проверки. Это не была окончательная победа, но Теодор, услышав решение, радостно выпустил дым из обоих ушей и едва не зажёг шляпу председателя. Тот посмотрел на меня так укоризненно, будто это я выдала ребёнку собственное пламя.

Судебный служитель ещё не успел собрать бумаги, когда в зале появился молодой представитель гильдии родовых опекунов, чей серебряный знак означал право присутствовать при передаче драконьих наследников. Он держался так уверенно, будто временное решение суда было всего лишь досадной задержкой перед привычной процедурой, и предложил Эльзе подписать добровольное соглашение: мальчик остаётся с ней до конца месяца, затем отправляется на обучение в родовой питомник, а девочка получает денежное содержание без права претендовать на фамильный титул.

Эльза даже не взяла пергамент, и я почувствовала к ней почти физическое уважение. Эта женщина выросла среди людей, для которых искусство уступать считалось высшим достоинством, однако теперь её пальцы, дрожавшие при входе в зал, неподвижно лежали на коленях, а взгляд оставался ясным.

- Вы так щедро распорядились детьми, - сказала она, - словно я пришла торговаться за мебель, а не защищать семью. Передайте виконту, что он может отправить питомнику своих любимых скакунов; Теодор останется со мной, и Мариэль тоже.

Служитель попытался объяснить, что в некоторых старинных родах дети с поздним пробуждением пламени считались неполноценными наследниками, но я попросила его повторить эти слова при судебном стенографе. Он посмотрел на знак Верховного суда у двери, понял, что объяснять придётся уже не мне, и резко вспомнил о других неотложных обязанностях. Когда он ушёл, Теодор робко попросил воды, а Мариэль, до этого сидевшая с неподвижным лицом, неожиданно достала из своей книги сложенный вчетверо лист.

На листе была карта северной провинции. Я узнала старую почтовую дорогу, каменные ворота и семь башен, соединённых едва заметными линиями; девочка начертила всё с точностью, которой не могла похвастаться большая часть взрослых чиновников, и старательно подписала местные названия. Увидев моё удивление, она объяснила, что слышит направления ветров, когда держит в руках старые карты, хотя драконьей формы у неё нет и отец считает этот дар бесполезным.

- Скажите, госпожа Агата, - спросила Мариэль, разглаживая лист, - если я никогда не превращусь в дракона, меня всё равно смогут взять в Академию картографов? Там ведь нужно сдавать экзамен по родовому пламени.

Я присела возле неё, вспомнив десятки людей, которых видела в нотариальной палате: умных, способных, трудолюбивых, но заранее убеждённых, что для важного дела им не хватает правильной фамилии или формы тела. У меня не было права обещать девочке победу над системой, которой я сама едва начала бросать вызов, однако можно было подарить ей конкретную надежду.

- Академия существует по императорской хартии, а в ней экзамен на пламя обязателен только для воздушного отделения, - сказала я. - Мы с Бесси проверим правила приёма и выясним, почему кто-то заставляет тебя считать свой дар недостатком. А пока эту карту заберу на пару часов, если позволишь: у меня подозрение, что она может оказаться полезнее десятка министерских отчётов.

Мариэль кивнула, но прежде чем отдать лист, потребовала письменное подтверждение возврата. Я невольно расхохоталась: после матери и дочери Морвейн у нас с Бесси намечалось серьёзное пополнение юридического сообщества, и бедным драконьим лордам стоило заранее запастись успокоительными.

За дверью меня остановила Эльза. Она спросила не о суде и не о деньгах, а о том, что теперь делать с Теодором, который этой ночью признался ей, будто боится собственного огня. В семейном доме мальчика учили, что настоящий дракон обязан рычать громче всех, а слабости недостойны наследника; когда же он случайно подпалил штору, отец заставил его три часа стоять перед зеркалом и повторять родовую клятву о непреклонности. Эльза хотела найти учителя, который объяснил бы сыну разницу между силой и жестокостью, но не знала, кому доверять.

- Мы найдём, - ответила я, хотя не была уверена, насколько быстро. - И если первый наставник начнёт разговор словами «настоящий дракон обязан», мы немедленно выставим его за дверь. Дети не обязаны доказывать взрослым право быть собой.

Теодор в это время опрокинул чернильницу на сапог охранника и попытался высушить её огоньком из пальца. Сапог задымился, охранник подпрыгнул, а мальчик посмотрел на меня с таким ужасом, будто сейчас лишится и мамы, и драконьего будущего. Я достала платок, потушила маленький пожар и объявила, что подобный случай относится исключительно к недобросовестной работе производителя обуви, поскольку хороший сапог не должен капитулировать перед ребёнком раньше своего хозяина.

Он засмеялся. Эльза тоже, хотя в её глазах блестели слёзы, которые она поспешно смахнула, отвернувшись к окну. Этот короткий смех ничего не решал в их жизни, но благодаря ему дети на несколько минут перестали ждать нового наказания; а я поняла, что дело Морвейнов уже перестало быть для меня ещё одной судебной папкой.

У выхода Мариэль вдруг обняла меня. Её маленькие руки крепко сомкнулись на моей талии, и на несколько секунд мне стало невозможно дышать. Я осторожно погладила её по волосам.

- Спасибо, что не попросили меня уйти, - прошептала девочка.

Когда она убежала к матери, я неожиданно поняла: сегодня у меня впервые за долгое время получилось сделать что-то настолько важное, что все спорные золотые казны мира стали казаться мелочью.

- Вы были правы, - раздался за спиной низкий голос.

Торвальд стоял у колонны, держа в руках папку. Близко мы не подходили, но его присутствие ощущалось так же отчётливо, как тепло очага в холодной комнате.

- В чём именно? - спросила я. - Можете уточнить, чтобы я записала и повесила на стену. Событие редкое.

- В том, что система позволяет прикрывать незаконное требование древней печатью. И в том, что я не должен был говорить с вами так, как говорил вчера.

Я посмотрела на него внимательнее. Извинение ему давалось трудно; было видно по тому, как напряглись пальцы на папке.

- Вы думаете, я не умею принимать решения, потому что когда-то позволила мужу принимать их за меня, - сказала я.

- Я сказал жестокую глупость. Мне не следовало.

- Да. Не следовало.

Мы стояли молча, и мне вдруг стало гораздо легче злиться на него, чем признавать, что услышанные слова действительно значат для меня больше, чем хотелось бы.

- Я посмотрел договоры, - продолжил он. - Семь узлов связаны не только с деньгами. Ими запитаны отдельные контуры Щита. Я могу показать вам доказательства при независимом аудиторе.

- И ни разу не приказать, как мне себя вести?

- Попытаюсь воздержаться.

- Вам будет нелегко.

- Я заметил.

В тот день нам даже удалось пройти по коридору, не поспорив. Правда, лишь потому, что у бокового входа меня ожидала Тея Восс с мокрым свёртком под плащом.

- Это вам, - сказала она быстро. - Но не здесь. За мной следили от Северного канала.

Я взяла пакет. Изнутри пахло речной тиной и плесенью. Тея была весёлой и бесстрашной курьершей, поэтому выражение неподдельного ужаса на её лице мгновенно заставило меня насторожиться.

- Кто следил?

- Человек в маске. Он остановил мой фургон, назвал точное место доставки и велел передать: «Если Агата Рифф не прекратит изучать прошлое, у детей Морвейн не будет будущего».

Я стиснула пальцы. Угроза больше не касалась только меня. В этот момент Раэн встал рядом; что-то в его лице изменилось, стало неподвижным и страшным.

- Кассиан, - приказал он, - охрану детей усилить. Не поднимать шум. Курьершу провести в безопасное место.

- А меня? - спросила я.

- Вас, госпожа Рифф, - ответил он, не отводя глаз от пустой улицы, - я попрошу сегодня не уходить одной. Не потому, что не доверяю вашим способностям, а потому, что доверяю угрозе.

Это прозвучало разумно. Даже обидно разумно.

- Хорошо, - согласилась я, и капитан, кажется, мысленно перекрестился. - Но с одним условием: мне дадут прочитать всё, что принесла Тея.

Раэн кивнул. Мы направились к карете, когда на противоположной стороне улицы в зеркале витрины мелькнула фигура в серой маске. Я успела заметить только маленький золотой знак - семь соединённых узлов, - прежде чем человек исчез в толпе.

Той ночью Бесси заперла контору на четыре замка, Эльза увезла детей к знакомой целительнице, а я впервые позволила себе признаться: люди, с которыми мы связались, не остановятся перед угрозой ребёнку. И если мы не разберёмся быстро, следующий удар может оказаться смертельным.

Глава 8. Пепел, который оставляют враги

Раэн

Из свёртка Теи мы достали бухгалтерскую тетрадь, залитую речной водой, и семь металлических жетонов с именами женщин. На каждом виднелся след от той же спиральной печати. Шесть жетонов принадлежали давно умершим или исчезнувшим супругам аристократов; седьмой носил имя Агаты Рифф.

- Кто собирал эти имена? - спросил я.

- Человек, который теперь плавает в Северном канале, - ответила Тея. - До смерти он приказал мне доставить пакет лично госпоже Рифф.

Кассиан тщательно записывал показания. Бесси сушила страницы тетради над холодным воздухом с помощью бытовой руны, не доверяя огню. Агата сидела рядом, неотрывно глядя на собственное имя. Я хотел сказать, что не позволю причинить ей вред, но вовремя остановился. После наших ссор любая подобная фраза прозвучала бы обещанием мужчины, слишком привыкшего решать за других.

- Жетоны - это реестр источников, - произнесла она. - Не заёмщиков и не поручителей. Источников. Кто-то учитывает женщин как запас топлива.

Бесси перестала шуршать бумагой. Тея скрестила руки на груди, словно ей стало холодно.

- Значит, Щит держится на чужих жизнях? - спросила она.

- Мы пока не знаем, - ответил я. - Не станем делать выводов до экспертизы.

- А когда узнаем, что сделаем? - Агата подняла голову. - Попросим высоких господ быть добрее?

- Потребуем расследования.

- Кто проведёт?

Я понял, что она намеренно заставляет меня произносить неудобные слова. И всё же ответил:

- Независимые маги. Не моя канцелярия и не министерство Варда. Я подготовлю публично заверенное назначение.

Она немного смягчилась. И почему-то это крошечное изменение её лица доставило мне неуместное удовлетворение.

Ночью напали на контору. Не обычные уличные головорезы: трое людей в масках использовали магию тишины, а четвёртый наложил на выходную дверь печать, которая открывалась только изнутри. Бесси оставалась там, чтобы переписать реестры. Если бы Тея не заметила тени на соседней крыше, мы опоздали бы.

Я успел увидеть, как за окнами вспыхивает огонь. На мгновение внутри меня проснулся дракон - с такой силой, что на каменных ступенях расплавились металлические швы. Кассиан бросился к боковому входу. Я срезал печать собственным пламенем и вошёл в едкий дым.

Бесси сидела на полу под письменным столом, прижимая к груди папку. Над ней мерцала прозрачная сфера, которую удерживала дрожащая человеческая рука. Один из нападавших пытался пробить защиту коротким клинком. Я отшвырнул его в стену, услышал хруст дерева и принялся тушить огонь, пока Кассиан связывал остальных.

- Вы целы? - спросил капитан у Бесси.

- Да, - прошептала она. - Только вы должны знать, что в вашем уставе охраны гражданских помещений есть серьёзные пробелы.

Он посмотрел на её обгоревшую юбку, затем на магическую сферу, которая ещё защищала документы.

- Мы обсудим устав, когда вы перестанете дрожать.

- Я не дрожу.

- Тогда дрожит стол. И поверьте, это не делает его менее тревожным.

Я отвёл взгляд, предоставив им разбираться с взаимным упрямством без моего участия. За прошедшие дни я хорошо узнал, насколько бесполезно убеждать женщину, которая только что едва не погибла, что ей дозволено испугаться.

Агата прибежала спустя десять минут. Увидев повреждённую контору, она остановилась так резко, что Тея едва не врезалась ей в спину. Потом бросилась к Бесси, обняла её, проверила руки, лицо и волосы, и лишь убедившись, что подруга жива, повернулась ко мне.

- Кто?

- Люди Варда. У одного на запястье банковский жетон. Предварительная версия - уничтожение документов.

- Они сожгли мой офис.

- Мы восстановим помещение.

- Они пытались убить Бесси.

- Их передадут под суд.

- А если суд принадлежит тем же людям?

Я не нашёл быстрого ответа. В её глазах было столько гнева, что привычные формулы правосудия показались мне слишком маленькими. Когда она шагнула к связанному нападавшему, я остановил её за локоть. Она резко обернулась, и я сразу отпустил.

- Отойдите, - сказал я. - Не ради него. Ради себя.

- Я и не собиралась его бить.

- Вы слишком прямо смотрели на его нос.

- Я собиралась узнать, что ему обещали.

Пленный молчал. На шее у него висел оберег с печатью молчания: любое произнесённое имя нанимателя должно было остановить сердце. Мы сняли оберег только к рассвету, но мужчина успел сообщить два слова: «Бал. Завтра». Затем впал в магический сон, из которого наши целители пока не смогли его вывести.

Целители вывели Бесси из задымлённого здания, но она упорно держала спасённые бумаги и не позволяла убрать папку, пока независимый нотариус не поставил новую защитную печать. Кассиан следовал за ней с выражением человека, которому поручили охранять неуправляемый горный поток. Когда девушка наконец села, её руки дрожали так сильно, что чай расплескался по блюдцу.

- Вы можете отдохнуть, - сказал капитан.

- Если я отдохну, документы снова попытаются сжечь.

- Документы под охраной. А вы только что едва не задохнулись.

Бесси посмотрела на него поверх круглых очков.

- Вы говорите со мной как с подчинённой.

Он помолчал, затем присел на одно колено, чтобы не возвышаться над ней.

- Тогда скажу иначе. Я испугался, когда увидел огонь в окне. И хотел бы, чтобы вы позволили врачу проверить лёгкие. Не потому, что я командую, а потому, что ваше здоровье для меня важно.

Она смотрела на него с редким для неё молчанием. Потом осторожно отдала бумаги и поднялась. Я невольно отвёл взгляд. В их коротком разговоре было больше подлинной близости, чем в половине светских свадеб, на которых мне приходилось присутствовать по должности.

Врач подтвердил, что серьёзных повреждений нет, но Бесси потребуется сон и отдых. Кассиан лично проводил её до безопасной комнаты и оставил у двери двух стражников. Возвращаясь, он сообщил, что госпожа Фогель настояла на отдельной расписке о получении бумаг. Затем, поколебавшись, добавил: она подписала её словами «вашей заботливой зануде».

Я не стал смеяться. Строгая дисциплина имеет свои преимущества, но иногда даже самым надёжным людям полезно встретить человека, который сумеет заставить их забыть устав на несколько минут.

К рассвету контору опечатали двумя печатями: городской стражи и независимой Палаты договоров, причём вторую настояла поставить Бесси, объяснив, что даже величайший капитан империи не сумеет убедить повреждённые документы доверять исключительно его людям. Я видел, с каким усилием она скрывает усталость: пальцы всё ещё дрожали, голос иногда срывался после дыма, но стоило кому-то заговорить о закрытии дела, как девушка немедленно находила силы для новой язвительной тирады. Кассиан не пытался её осадить, только молча пододвинул к ней кружку с тёплым молоком, а затем встал возле двери так, чтобы никто не мог пройти внутрь без её разрешения.

Мы осмотрели подвал, куда нападавшие проникли через старую хлебопекарную шахту. Там обнаружился маленький обугленный амулет из речного серебра, и следователь немедленно предположил, что преступники принадлежат к северным контрабандистам. Меня это не убедило. Серебро можно купить, подделать или украсть, а вот тонкую борозду на внутренней стороне амулета делают только при изготовлении устройств для казначейских курьеров; такими пользовались чиновники Варда, прежде чем министерство формально отказалось от устаревшей системы три года назад.

- Значит, министр послал людей, чтобы сжечь бумаги? - Кассиан держал амулет щипцами, не позволяя магии касаться кожи.

- Значит, кто-то хотел, чтобы мы так подумали, и слишком уверенно рассчитывал на нашу невнимательность. Прикажи проверить, кто заказывал эти амулеты после официальной отмены, но не отправляй запрос в министерство: если Вард причастен, мы сообщим ему о расследовании быстрее, чем найдём первую расписку.

Капитан кивнул и вышел, а я остался среди разбитых стеклянных банок, чернильных пятен и намокших от тушения огня книг. Маленький письменный стол Агаты обуглился по краям, однако верхний ящик сохранился, и внутри я нашёл деревянный половник с трещиной на ручке. На нём ещё виднелись следы той угрозы, которую ей прислали после развода, и мне вдруг стало стыдно за собственные шутки: для меня этот нелепый предмет был удобным поводом поддеть женщину, тогда как она, вероятно, каждый день видела в нём напоминание о чужой власти над своей жизнью.

Я положил половник обратно, не позволяя себе ни выбросить его, ни отправить в качестве свидетельства следователям без согласия хозяйки. Решение казалось смешным после всех имперских указов, которые я подписывал за день, но неожиданно оказалось непростым: человек, привыкший распоряжаться чужой безопасностью, нередко не замечает, как начинает распоряжаться и чужими воспоминаниями.

В полдень мы получили список пострадавших от пожара. К счастью, никто не погиб, но трое жильцов соседнего дома лишились вещей, а хозяин маленькой лавки напротив потерял запас стекла из-за взрывной волны. Я распорядился о компенсации за счёт резервного фонда охраны свидетелей, после чего отправил копию расчётов Агате, отдельно указав, что выплаты никак не связаны с её личным согласием на дальнейшее сотрудничество. Это была не попытка купить её доверие, а обязанность государства перед людьми, которых подвергли опасности наши противники.

Сохранить тетрадь оказалось легче, чем её владельца. Тем же вечером к конторе привели мужчину в сером плаще: он назвал пароль Теи, попросил воды и рухнул на пороге, не успев произнести фамилию. Бесси крикнула, что на его шее светится посторонняя печать; я приехал, не дожидаясь официальной повестки, и извлёк из-под воротника осколок зачарованного стекла. Такое оружие использовали люди Варда, когда собирались не допрашивать, а навсегда лишить человека голоса. Ирма приняла свидетеля в закрытой лечебнице, предупредив, что

ближайшие дни он не сможет связно говорить; перед тем как потерять сознание, мужчина успел вывести на моей ладони одно слово: «свои». Я не был уверен, кому именно оно адресовано: предателям среди стражи или чиновникам, которых сам назначал на должности.

Позднее из лечебницы позвонили снова: санитар с доступом к закрытой палате исчез. Я приказал задержать весь ночной караул, хотя знал, что в числе дежурных была человеческая медсестра, которая помогла остановить действие яда. Агата, стоявшая у двери, схватила меня за запястье при подчинённых. «Ты сейчас наказываешь невиновных из страха, что потеряешь одного свидетеля. Чем это отличается от старого порядка?» - спросила она. У меня потемнело в глазах, а под кожей ладони проступили чешуйки; я почти отдал второй приказ, уже ей. Потом заставил себя отступить, отменил общее задержание и потребовал проверять каждого человека отдельно. Медсестра сохранила свободу, зато настоящего предателя успели вывести через служебный портал. Агата не стала поздравлять меня с благородством. Мы оба понимали, что справедливое решение не отменяет его тяжёлых последствий, и за то утро я возненавидел собственную привычку действовать быстрее, чем разбираться.

К вечеру Тея принесла ещё одно известие: соседская девочка видела перед нападением человека в сером плаще, который оставил на подоконнике мешочек сушёных синих цветов. Курьерша узнала цветы - их продавали только в закрытом саду при Высшем совете, поскольку лепестки использовали для церемониального вина на редких проверках Щита Семи Ветров. Я смотрел на смятый цветок, стараясь не принимать желаемое за доказанное, но связь между пожаром и завтрашним приёмом становилась слишком явной, чтобы прятаться за канцелярской осторожностью.

Нужно было идти на бал, где собрались все люди, способные остановить расследование, и вести туда Агату, которую они уже пытались убить. Я мог бы оставить её под охраной и получить более спокойную ночь, однако тогда опять решал бы за неё. Поэтому вместо приказа написал приглашение с подробным объяснением опасности, а на обороте оставил достаточно места для её возражений; Кассиан, заметив пустую половину листа, спросил, не слишком ли щедра такая роскошь.

- Поверь мне, - ответил я, передавая конверт, - если госпожа Рифф найдёт мало места, она всё равно допишет претензии на полях.

На следующий день должен был состояться закрытый приём Высшего совета. Его устраивали раз в семь лет, когда проверяли состояние старых печатей Щита Семи Ветров. На бал приглашали не только драконьи роды, но и хранителей человеческих магических линий. В списке гостей стояли имена Северина, Элиана, Дамиана и - что меня поразило - покойного отца Агаты, Эдварда Риффа. Он умер много лет назад, но его семейную подпись по-прежнему учитывали как действующую.

Я вызвал Северина. Наставник пришёл поздно, осмотрел следы огня и выслушал мой отчёт с настораживающим спокойствием.

- Тебя ждут на приёме, - сказал он. - Надеюсь, ты не приведёшь туда эту женщину.

- Напротив. Если её родовая подпись участвует в системе, она вправе присутствовать при проверке.

- Раэн, есть опасности, которых ты не представляешь.

- Тогда объясни их.

Он покачал головой. Я давно знал эту привычку: Северин не отвечал на вопросы, пока собеседник не начинал чувствовать себя ребёнком. Когда-то я считал её признаком мудрости. Теперь она казалась способом скрыть правду.

- Если введёшь её в Зал семи печатей, последствия будут необратимыми, - произнёс он наконец.

- Для кого?

Северин посмотрел на меня с настоящей усталостью.

- Для нас всех.

Он ушёл, не попрощавшись. Я остался в пустом коридоре, где ещё пахло обугленным деревом, и позволил себе подумать об измене человека, которого считал отцом в вопросах закона и чести.

Позднее, когда Агата пришла посмотреть восстановленные документы, я рассказал ей о приёме. Она посмотрела на меня совершенно недоверчиво.

Агата выслушала приглашение не перебивая, потом медленно прищурилась, словно подозревала в конверте не бал, а особенно хитро составленное судебное определение. - Я правильно понимаю, милорд, что вы приглашаете меня добровольно, без повестки, конвоя и обязательной клятвы вести себя благоразумно? Потому что последний пункт, боюсь, окажется юридически неисполнимым.

- Вы можете прийти или отказаться, - ответил я, с усилием подавив улыбку. - Если придёте, сможете спрашивать о договорах в присутствии Совета, но я прошу предупредить меня, прежде чем вы решите объявить кого-нибудь государственным преступником между танцами. Не потому, что собираюсь вас остановить, а потому, что тогда хотя бы успею вывести стражу из зала.

Она улыбнулась. В этой улыбке было столько вызывающего торжества, что я едва не пожалел о собственном решении.

- Тогда мне понадобится платье, - сообщила Агата. - И предупреждаю: если на вашем балу принято подавать плохие пирожные, я буду жаловаться официально.

Я пообещал проверить качество кухни. Не знаю, что было безрассуднее: приводить её в Зал семи печатей или всерьёз обсуждать с ней пирожные в ночь, когда мы едва не потеряли человека.

Глава 9. Пламя с дурным характером

Агата

Перед балом Высшего совета полагалось соблюдать двадцать три правила этикета. Бесси обнаружила их на обороте пригласительного и пришла в состояние такого восторга, будто ей подарили личного врага. Кассиан, сопровождавший нас к портальной станции, предупредил, что нарушение любого правила может быть воспринято как политическое заявление.

- А если нечаянно наступить на плащ министра? - уточнила Бесси.

- Это зависит от силы наступления, - без улыбки ответил капитан.

- Прекрасно. Вы становитесь опасно остроумны, господин Дорн.

Он промолчал. Она улыбнулась шире. Я подумала, что их потенциальный брак станет лучшей рекламой государственной службы: после него государству, вероятно, придётся выдать Кассиану пенсию за особые заслуги.

Мы поехали на северную окраину за старым свидетельством Эдварда Риффа, моего отца. В имперских списках он почему-то всё ещё числился хранителем семейной магической линии, хотя умер тринадцать лет назад. В конторе архивариуса находились последние документы об отказе от его поручительств. Там мы надеялись найти доказательство, что кто-то использовал умершую подпись без согласия наследников.

По дороге на нас напали. Первая магическая стрела разбила фонарь кареты, вторая разрезала ремни упряжи. Лошади заржали; Кассиан резко повернул экипаж к мосту, а я успела схватить Бесси за плечи, прежде чем её выбросило из сиденья. Из-под колёс поднялся туман, и в нём показались две фигуры с арбалетами.

Верховный судья ехал позади на другом экипаже. Я услышала низкий рёв раньше, чем увидела дракона. Чёрные крылья закрыли половину неба; золотое пламя прорезало туман так ярко, что на миг исчезли даже тени. Раэн ударил не по людям, а по их заклинаниям, расплавив наконечники стрел в воздухе. Затем опустился на мост и заставил каменные перила содрогнуться под собственным весом.

Это было первое настоящее превращение дракона, которое я увидела так близко. Огромный, чёрный, с серебряными гребнями вдоль позвоночника, он выглядел не чудовищем, а древней силой, которой никто из нас не вправе был распоряжаться. И всё же я подумала об очень человеческой вещи: сколько же денег уходит на новую одежду после каждого такого спасения?

Кассиан скрылся за опрокинутым экипажем. Бесси ставила защитные печати вокруг лошадей. А я заметила на мосту маленький металлический круг, прилипший к камню. Семь узлов. Ловушка была рассчитана не просто на карету: она должна была заставить Раэна использовать полную драконью форму возле старого водного узла. Если бы он поджёг камень, обрушился бы мост вместе с людьми.

- Раэн! - закричала я.

Он повернул огромную голову. Я показала металлический круг, затем махнула в сторону воды. Он понял прежде, чем я успела объяснить: отступил, закрыл крылом карету, и Кассиан перерубил узел специальным клинком. Взрыв ушёл вниз, в реку. По поверхности поднялся столб пара, но мост остался цел.

Когда Раэн вернулся в человеческий облик, кто-то из стражей поспешно протянул ему запасной плащ. На плече у него темнела рана; чёрное пламя не смогло полностью защитить от металлических осколков. Он стоял бледный, с мокрыми волосами, прижимая ладонь к крови. Мне вдруг стало совершенно невыносимо смотреть на эту кровь.

Когда чёрные крылья скрылись, над мостом остался запах грозы, а в воде отражались золотые отсветы. Я никак не могла совместить мужчину, который на заседаниях поправлял каждую запятую, с огромным зверем, только что прикрывшим своим телом нашу карету. У

Раэна был глубокий надрез под ключицей, и он держал плащ одной рукой, явно не желая показывать слабость перед солдатами. Я приблизилась, намереваясь проверить рану; он сказал, что я мешаю работе целителей, но не отступил. Когда я дотронулась до ткани на плече, под ней на миг показалась чёрная чешуя - твёрдая, горячая, опасная. «Не делайте так больше», - произнёс он. Я не сразу поняла, о чём речь: о том, что указала ему на ловушку, или о том, что не спряталась за чужую спину. Раэн посмотрел на обломки кареты и ответил, что мёртвые не выигрывают суды, каким бы безупречным ни был их договор. «А живые, которые постоянно боятся, редко успевают начать», - возразила я. Он приблизился на шаг, и мне пришлось поднять голову. Золотые глаза ещё оставались нечеловеческими, а голос был настолько низким, что я почти не расслышала: «Когда на вас полетела стрела, я не думал ни о суде, ни о казне». Несколько секунд мы стояли слишком близко. Потом Кассиан громко попросил врача, и Раэн отошёл так быстро, словно виновником его внезапной ярости была я.

- Вы ранены, - сказала я.

- Небольшая царапина.

- Конечно. Драконы вообще воспринимают пробитое плечо как особенность моды.

Я заставила его сесть на каменную скамью. Он возражал, я не слушала. Когда целитель задержался, достала из сумки чистый платок, прижала к ране и удивилась, как сильно дрожат мои пальцы.

- Мне не нужна ваша жалость, госпожа Рифф, - тихо произнёс он.

- А мне не нужно ваше разрешение. Сидите спокойно, пока не истекли кровью и не оставили всю империю без любимого судьи.

Он посмотрел на меня внимательно. В его глазах было что-то незащищённое, совершенно не похожее на привычную железную невозмутимость. Потом Раэн накрыл моей рукой платок, останавливая кровь, и очень тихо поблагодарил.

От этого простого слова я растерялась сильнее, чем от драконьего превращения.

Позже мы нашли у нападавших приказ не убивать меня. В нём было сказано: «Девицу сохранить живой до церемонии проверки». Раэна же разрешалось «вывести из строя любым способом». Кассиан зачитал строку без выражения, но на лице Верховного судьи я увидела такую ярость, что едва не отшатнулась.

Пока следователи собирали у моста остатки нападавшего амулета, мы укрылись в сторожевой башне дорожного ведомства, где каменный пол пах сыростью, а огромный железный колокол, подвешенный под потолком, продолжал медленно раскачиваться после тревоги. Раэн сидел на низкой скамье, слишком узкой для его плеч, и смотрел на кровавую повязку так, словно чужая боль на чужой руке раздражала бы его значительно меньше. Снаружи капитан Дорн отдавал приказы, Бесси спорила с целителем о том, следует ли записывать «потерю нервов» в графу сопутствующих повреждений, а за маленьким оконцем мальчишки-гонцы глазели на следы драконьих когтей в камне.

Я не могла отвести взгляда от глубокого пореза возле ключицы Раэна: он зажил бы быстрее у обычного дракона, если бы тот не потратил почти всё пламя на защиту кареты. Целитель, осмотрев рану, потребовал хотя бы сутки покоя и запретил превращения, поскольку следующий резкий выброс огня мог повредить внутренние сосуды. Раэн выслушал его с видом человека, которому только что запретили дышать, и уже открыл рот для возражения, когда я положила ладонь на его предплечье.

- Не спорьте. Хоть один день разрешите миру прожить без вашего непосредственного надзора, - попросила я, и собственная мягкость так удивила меня, что пришлось немедленно добавить: - Да и обидно будет, если самый дорогой чиновник империи умрёт из-за обычного упрямства. Страховку на такие случаи я пока не проверяла.

Раэн поднял глаза, в которых привычная насмешка не скрывала усталости, и вместо колкости спросил, чем закончилась поездка за бумагами моего отца. Я достала из сумки промок-

ший конверт, который едва успела спасти во время нападения; на нём стояла личная печать Эдварда Риффа, а внутри лежало письмо, написанное для меня за много лет до его смерти. Отец описывал северные ветровые станции, где работал над измерением природных магических потоков, и предупреждал, что старые контракты способны подменять добровольный ключ постоянным источником силы.

- Он знал? - тихо спросила я, чувствуя внезапное раздражение на покойного отца за то, что тот не рассказал мне об опасности раньше.

- Возможно, лишь подозревал. Если бы он располагал доказательствами, документ выглядел бы иначе. Впрочем, твой отец был хорошим специалистом, и его подозрения заслуживают проверки.

Я подняла голову. Раэн впервые в этом разговоре назвал его просто специалистом, не уточняя расу, титул и положение семьи; для человека его круга такая естественность значила больше, чем я хотела признавать. Потом мне вспомнились вчерашние ссоры, все сказанные друг другу жестокости, и я подумала, насколько несправедливо, что мужчина умеет быть одновременно беспощадно высокомерным и до невозможности порядочным.

У дверей сторожевой башни остановился сержант с задержанным стрелком. Тот, совсем молодой человек, смотрел в пол и сжимал в окровавленной ладони медную монету, настолько нагретую чарами молчания, что кожа вокруг почернела. Следователи хотели немедленно увести его, но Раэн попросил целителя сначала проверить запястье и снять опасный оберег, потому что допрашивать человека, которого убьёт одно произнесённое имя, не только бессмысленно, но и недостойно суда.

- Я думал, вы нас всех сожжёте, - неожиданно прошептал пленник, когда целитель ослабил печать. - Мне говорили, что драконы не оставляют живых после покушения.

Раэн посмотрел на него тяжёлым усталым взглядом и ответил, что судья обязан разбираться в поступках даже тех, кого имеет все причины ненавидеть. Мне стало холодно от мысли, насколько близко сегодня мы подошли к исходу, который устроил бы настоящих заказчиков: убитый стрелок, разгромленный мост, разгневанный дракон, обвинённый в чрезмерной жестокости, и никакого расследования. Пленник же, услышав обещание законной защиты, неожиданно сообщил, что ему приказали не просто напугать меня, а заставить Раэна раскрыть полную драконью форму на дороге, где заранее поставили зеркало поглощения пламени.

Зеркало, найденное у моста, оказалось сделано в мастерской, обслуживавшей Высший совет. Однако имя заказчика на накладной было стёрто, и пока у нас оставалась только нить, ведущая к тем же людям, которые пригласили нас завтра на бал. Раэн устало прикрыл глаза, когда Кассиан докладывал находку, а я вдруг ясно поняла, как много людей зависит от его решения: если он сейчас начнёт обвинять Совет без доказательств, враги легко объявят его опасным узурпатором; если промолчит, они продолжат нападать.

Мне хотелось верить, что наш спор об устройстве государства имеет простое решение, однако теперь было видно, насколько мало пользы от красивой правоты, когда за стенами башни ждут испуганные стражники, а на скамье сидит раненый человек, которого я ещё неделю назад назвала тюремщиком с государственным гербом. Я аккуратно убрала письмо отца и пообещала себе, что на бал пойду не ради красивого платья и возможности позлить Раэна, а потому, что мои знания могут оказаться единственным оружием, которым нельзя ответить огнём.

- Они рассчитывали, что я выйду из себя и разрушу мост, - сказал он.

- Не получилось. У вас, оказывается, иногда бывает голова на плечах.

- Не злоупотребляйте этим открытием.

Мы вернулись в город уже в сумерках. Бесси уехала вместе с Кассианом допрашивать задержанных; мне Раэн предложил место в собственном экипаже. Я хотела отказаться, но ноги до сих пор плохо слушались. Когда мы остались вдвоём, стало непривычно тихо. Он сидел

напротив, укутанный плащом, и на секунду показался мне гораздо старше своих внешних сорока лет.

- Вы могли погибнуть, - сказала я.

- Вы тоже.

- Но вас ведь пытались заманить именно из-за меня.

- Не из-за вас. Из-за того, что мы обнаружили. Не путайте причинность с виной.

Я посмотрела на него удивлённо. Ещё вчера он рассуждал о моём неумении принимать решения, а сегодня произносил слова, которые мне самой следовало себе повторять.

- Спасибо, - сказала я.

- За что?

- За то, что не пытаетесь заставить меня чувствовать себя виноватой.

Он отвернулся к окну. Долгое время мы слушали стук колёс. Потом карета резко качнулась на повороте, и я, не удержавшись, упала ему на колени. Его руки сомкнулись у меня на талии быстро, уверенно. Мы оказались так близко, что я почувствовала жар его кожи даже сквозь плащ. Он посмотрел на мой рот, и на краткий, совершенно сумасшедший миг я подумала, что он собирается меня поцеловать.

Но Раэн помог мне сесть обратно.

- Осторожнее, - произнёс он хрипло.

- Постараюсь, - выдохнула я.

Оставшуюся дорогу мы не произнесли ни слова. Я упорно смотрела на тёмные улицы и пыталась понять, почему меня больше беспокоит не сегодняшнее нападение, а собственное разочарование от поцелуя, которого не случилось.

На лестнице меня перехватил Кассиан и попросил никому не рассказывать о раненом стрелке: тот успел назвать человека, заказавшего нападение, но сразу после допроса потерял способность произносить собственное имя. Для дела это значило больше любой громкой угрозы. Кто-то не просто покупал молчание, а научился забирать у людей возможность вспомнить именно то, что они видели. Я предупредила капитана: если он решит скрыть эту деталь от Раэна, то я устрою неприятности обоим. Кассиан ответил, что с таким супругом, как я, Верховный судья проживёт гораздо меньше положенных дракону веков. Я возмущённо напомнила, что никакого супруга у меня нет, однако капитан к этому времени уже ушёл, оставив меня злиться на его спокойную спину.

Ночью Бесси принесла мне новое платье для бала - тёмно-зелёное, с открытыми плечами и тонкой золотой вышивкой на рукавах. Я посмотрела на отражение в зеркале и неожиданно почувствовала волнение. Не из-за министров. Не из-за высшей аристократии.

А из-за мужчины, который сказал, что я не должна винить себя за чужие преступления, и впервые за семь лет заставил меня почувствовать себя не приложением к чужой жизни, а женщиной, на которую действительно смотрят.

Это было опасно. Гораздо опаснее магических стрел.

Глава 10. Бал, на котором забывают имена

Раэн

На балу Семи печатей, устроенном в южном крыле императорского дворца, следовало говорить исключительно приятные вещи. Министры улыбались людям, которых мечтали уволить; аристократы целовали руки женщинам, чьи семьи разоряли; оркестр играл так громко, чтобы никому не было слышно, как за спиной обсуждают очередное предательство. Я терпеть не мог такие вечера и обычно уходил до десерта. Сегодня же остался ради одной гостьи в тёмно-зелёном платье.

Агата стояла у стола с пирожными и спорила с герцогом Валмером о правилах наследования семейных лавок. Герцог хмурился, она улыбалась, и по характеру её улыбки я понимал: проиграет он. Через минуту она незаметно переложила в салфетку крошечную карточку, которую ей передал официант. Тея, переодетая служанкой, прошла мимо так быстро, что я едва успел заметить её зелёные глаза.

- Ваша подопечная необычайно деятельна, - произнёс Северин, появившись рядом.

- Она не моя подопечная. Она независимый эксперт.

- Конечно. Просто ты смотришь на неё весь вечер, как сторожевой дракон на первую монету собственного клада.

Я заставил себя отвернуться.

- Вы хотели говорить о Щите.

- Щит крепнет, пока все соблюдают порядок. Твоя госпожа Рифф, боюсь, порядок не любит.

Его нынешнее предупреждение напомнило разговор, состоявшийся за полчаса до прихода Агаты. Тогда Северин стоял у окна под огромным гербом Семи родов, и от бокала в его руке пахло морозным миндалём - ароматом старых горных настоек, которые мы пили после победы на Мёртвом перевале. «Ты всё ещё думаешь о закрытых воротах», - сказал он, словно прочитал воспоминание. Я ответил, что думаю о людях, оставшихся за ними. Северин усмехнулся: «Ты спас тысячу. Привычка считать мёртвых поимённо мешает править». Я впервые всерьёз захотел ударить его. Вместо этого я поставил бокал на поднос; когда Агата позднее вошла и успела поссориться с министром из-за наследства, она увидела моё лицо, перестала шутить и спросила только: «Кого вы не смогли спасти?» Я не ответил, потому что за одним вопросом внезапно оказалась вся жизнь, в которой мои решения считали безупречными.

- Если он построен на подделках, мне тоже нечего его любить.

Северин посерьёзнел. На мгновение на его лице проступило истинное выражение старого политика - не гнев, не страх, а холодный расчёт.

- Ты ведь всегда ставил долг выше чувств, Раэн. Помни об этом.

Он ушёл, оставив меня с неприятным ощущением, что предупреждение относилось не к государственной системе. Агата появилась рядом с двумя бокалами безалкогольного ягодного напитка: их только что налил придворный разносчик с синей лентой на рукаве. Я видел, как он взял напитки с общего подноса, но не заметил, кто поставил поднос у дверей и почему прежний слуга вдруг исчез с поста. Второй бокал она протянула мне и весьма непринуждённо заговорила о музыке, хотя я знал, что на самом деле её занимает присланная записка.

- Официант говорил с вами? - спросил я.

- Вы просто не можете пережить, когда женщина получает тайное послание не от вас.

- Агата.

- В двенадцать в Западном хранилище будет передан список семейных источников. Это приглашение от человека, который обещает доказать, что Эдвард Рифф никогда не давал согласия на продление своего поручительства.

Я посмотрел на бокал в руке. Напиток был светлым, с едва заметным запахом сухих трав, обычным для дворцовой кухни. Вокруг нас перемещались десятки гостей; кое-кто пристально следил за разговором.

- Вы не пойдёте одна.

- Я и не собиралась. У меня есть телохранитель, который любит отдавать приказы.

- Вы наконец признали пользу охраны?

- Нет. Просто в случае неприятностей хочется иметь рядом кого-то, кто умеет ломать стены. Вы уже показали класс в архиве.

Это прозвучало почти как комплимент. Я поймал себя на желании улыбнуться и немедленно вернул лицу подобающее выражение. Мы выпили по глотку. На вкус напиток был совершенно обычным, только спустя минуту мне показалось, будто смех за соседним столиком доносится из-под толщи воды. Я решил, что слишком устал после событий на мосту, и оставил это ощущение без внимания; Агата на мгновение прикрыла глаза, а затем принялась спорить с помощником министра с прежней быстротой. Мы не могли знать, что забывчивость началась не утром: незнакомая магия уже ослабляла способность замечать собственные ошибки и отделять желание от решения. Никто из нас не соглашался на подобное вмешательство.

По залам тянулся запах дорогого воска, холодных орхидей и лёгкого дыма, который неизменно сопровождает собрания драконьей знати: большинство присутствующих так тщательно контролировали своё пламя, что оно почти не ощущалось, но в моменты раздражения оживали резные узоры на колоннах, предназначенные поглощать случайные искры. Дворец относился к подобным опасностям спокойно; за три столетия здесь разработали правила безопасности для балов, вплоть до особых огнеупорных скатертей и застёжек для дамских причёсок. Кассиан уверял, что последнее изобретение придумали после того, как разгорячённый молодой маркиз спалил половину родового праздника, получив отказ в танце.

Я ненавидел светские вечера ещё и за другое. Стоило мне остановиться у буфета, как рядом немедленно появлялись люди, уверявшие, что государству необходимо развивать именно их фамильные земли, пересмотреть налог для именно их торговых домов или восстановить древние права именно их троюродных родственников. Сегодня к обычному набору просьб добавилось желание узнать, правда ли какая-то разведённая женщина заставила всю империю расплачиваться за её обиду. Я отвечал только тем, кто задавал вопрос без презрения, и почти не сомневался, что к утру газеты объявят меня либо защитником женского бунта, либо его бессильной жертвой.

Агата тем временем не только спорила с герцогом. Она ухитрилась поговорить с тремя вдовами северных гарнизонных офицеров, получить адрес мастера, работавшего над первой системой ветровых замков, и заручиться обещанием пожилой дамы переслать ей копию контракта, подписанного полвека назад. Я заметил, как она меняется в зависимости от собеседника: с самоуверенными лордами превращается в отточенное острие, с испуганными женщинами говорит спокойно и подробно, а рядом с Бесси позволяет себе почти девичье веселье. Это не имело отношения к её красоте, хотя в тёмно-зелёном платье с золотой нитью она выглядела опасно убедительно; мне нравилось смотреть, как легко ей удаётся то, чему меня учили десятилетиями, - заставлять людей доверять без приказа.

Когда один из молодых драконов предложил Агате танец, она посмотрела в мою сторону, словно заранее предвидела мою реакцию. Я не собирался ревновать женщину, с которой связан только государственным делом; тем не менее услышал собственный голос раньше, чем успел вмешаться разум:

- Лорд Валмер, ваша партия на проверке источников состоится через пятнадцать минут. Уверен, вы не захотите опоздать ради танца.

Молодой лорд поклонился и отступил, а Агата приблизилась ко мне с тем выражением лица, которое я уже научился опасаться больше открытого гнева. Она напомнила, что умеет

отказывать сама, что у Валмера не было дурных намерений и что использование государственного положения ради контроля над её танцевальным расписанием выглядит особенно нелепо для человека, отвечающего за беспристрастность судов.

- Вы абсолютно правы, - сказал я, с трудом подавив желание возразить. - Я вмешался не к месту.

Она моргнула, словно ожидала совсем другого ответа, и неожиданно улыбнулась. На мгновение мне показалось, что мы сможем прожить хотя бы один час без войны, но тут она добавила, что редкое признание моей неправоты следует занести в имперские хроники отдельным томом; я же предложил начать с тонкой брошюры и посмотреть, появится ли материал для продолжения.

Мы стояли ближе, чем дозволял светский этикет, и оба это заметили. Я ощущал тепло её плеча сквозь тонкую ткань, замечал тонкий запах бергамота в волосах, а при каждом движении она словно невзначай касалась моего рукава. Взрослый мужчина, переживший две приграничные кампании и десятки политических кризисов, не должен терять способность думать от нескольких случайных прикосновений. Однако едва Агата отступила, чтобы принять записку от Теи, я испытал глупое сожаление, которому не было места в расчётах безопасности.

В половине двенадцатого Кассиан сообщил, что один из стражей исчез с поста. Он отправился проверять коридоры, а я проводил Агату через боковую галерею. По дороге нам пришлось прятаться от министра финансов: Вард оживлённо разговаривал с незнакомым человеком в серебряной маске. Из их речи я разобрал слова «перезапуск», «первый источник» и «без свидетелей». Когда они разошлись, Агата шепнула, что в её старой бухгалтерской тетради тоже встречалось понятие первого источника. Я спросил, почему не сказала раньше. Она напомнила, что я и без того люблю запрещать ей исследования. Так, на полпути к ловушке, мы успели в очередной раз поссориться.

Когда мы позже направились к западному крылу, рядом слышались музыка и смех; Агата шла слишком быстро, придерживая подол, а я всё ещё чувствовал на языке горьковатый привкус ягодного напитка. Прежде чем открыть дверь, она остановилась и сказала, что даже если я сейчас выдам её страже, из дела она не выйдет. Я ответил, что не позволю ей использовать моих солдат как игрушечные фигурки. «Вы говорите о людях так, словно это ваша собственность», - отрезала она. «А вы обращаетесь с риском так, будто смертью можно расплатиться по квитанции», - ответил я. Мы вошли в хранилище обиженными друг на друга, и эта нелепая, не завершённая ссора потом стала последним, что мне хотелось бы забыть.

Западное хранилище оказалось пустым. На столе лежал единственный свиток с печатью древней Палаты клятв. Агата коснулась края, побледнела и отдёрнула руку.

- Здесь моя подпись. Не копия. Настоящий след. Кто-то перенёс его с договора Дамиана.

Я наклонился. Внутри хранилища пахло металлом и остывшим грозовым воздухом. Семь золотых линий медленно замыкались на стенах. За спиной исчез выход.

- Уходим, - сказал я.

- Каким образом? Дверь растворилась.

- Я найду путь.

Слишком поздно. Свод начал опускаться, а от пола поднялся прозрачный цилиндр, забиравший магию с каждым нашим вздохом. Я попытался разорвать его пламенем, но пламя вернулось ударом в грудь. Агата вскрикнула и схватилась за запястье: в её коже вспыхнул тот же знак семи узлов.

- Это ловушка для двух поручителей, - выговорила она. - Нас хотят подключить к центральному контуру. Не убить сразу. Использовать.

Я почувствовал, как дракон внутри поднимается, требуя полной формы. Но хранилище было слишком тесным, а каждый прилив силы подпитывал стены. Агата прижала ладонь к моей груди, останавливая следующий выброс.

- Не надо. Я знаю, что вам хочется всё сломать. Но здесь ломать надо не стены, а саму клятву.

- Делайте, что необходимо.

Она подняла на меня глаза. В них не было привычной дерзости. Только напряжённая мысль и совсем человеческий страх, который она не собиралась показывать никому другому.

- Мне нужна ваша истинная магия. Без защиты. Иначе не увижу корневую запись.

- Если я открою её, вы сможете причинить мне вред.

- Могу. Как и вы мне. Зато сейчас мы оба умрём, если не решимся.

Я протянул руку. Её пальцы легли поверх моих. В самый неподходящий момент я вспомнил ощущение этих пальцев у себя на раненом плече, её молчаливую заботу на мосту и силу, с которой она защищала чужих детей. Я доверял ей больше, чем собирался признать. Это открытие оказалось не менее опасным, чем ловушка.

Тонкие золотые нити на полу дрогнули, словно их встревожило само наше решение действовать вместе, и я ощутил, как ловушка пытается заставить нас разорвать контакт. Чужая магия обещала облегчение каждому по отдельности: достаточно отступить, оставить другого и позволить системе забрать нужное количество силы, чтобы дверь открылась перед выжившим. Это предложение не звучало словами, но я слишком хорошо знал язык древних обязательств, чтобы не распознать в нём сделку с чудовищно выгодными условиями для того, кто составил её заранее.

- Раэн, - Агата говорила напряжённо, но отчётливо, словно читала трудный юридический документ и не желала допустить ни единой ошибки. - Печать предлагает вам выбрать себя, и у меня есть подозрение, что мне предложено то же самое. Не отвечайте ей. Любое согласие сделает нас частью её механизма.

Я перевёл взгляд на её лицо, освещённое неровным золотым сиянием, и вдруг подумал о том, что мы очень мало знаем друг о друге. Я знал цену её развода, фамилию обманувшего мужа, привычку спорить даже с архивными шкафами, но почти ничего - о ребёнке, которым она была до дворцовых законов, о ночах, когда она оставалась одна в несчастливом браке, о книгах, которые читала прежде, чем научилась защищать чужие права. Она же знала обо мне только должность, репутацию и несколько поступков, которые могла истолковать как угодно; теперь нам предстояло доверить друг другу собственную жизнь на основании этих жалких обрывков.

- Я не соглашусь, - ответил я. - Но если потеряешь сознание, я смогу держать печать недолго. Скажи, что тебе нужно, прежде чем станет поздно.

Она объяснила, что ищет корень незаконного поручительства, который должен существовать раньше любых надстроек, и попросила меня удерживать огонь не силой, а вниманием. Слова прозвучали странно: всю жизнь меня учили побеждать пламя, ставя над ним волю, а эта женщина предлагала разговаривать с собственной магией, словно с существом, которого не надо ни устрашать, ни подчинять. Я попробовал и неожиданно ощутил под привычным жаром нечто похожее на старую рану, давно затянутую шрамом.

Комната дрогнула. На стене проступила строка, которую я не успел прочитать целиком: «Согласие семерых не может быть обращено в...». Остальное затопило белое свечение, холодное и такое яркое, что зажмуриться оказалось бесполезно. Агата крепче сжала мою ладонь и выдохнула моё имя; в нём не было ни насмешки, ни требования, только живая просьба не отпускать её в неизвестность.

Я собирался ответить, что не отпущу, однако обнаружил, что пространство под ногами исчезает, а собственное сердце бьётся в ритме чужого невидимого механизма. Вместе с вспышкой магии пришло и другое ощущение, незнакомое даже после тяжёлых боёв: мысли начали терять края, будто в них подмешали тёплый густой дым. Я понимал, что обязан вызвать Кассиана, оставить сообщение, обеспечить Агате помощь, но каждое намерение распадалось раньше,

чем я успевал превратить его в действие. Слова, которыми она пыталась меня остановить, звучали совсем близко и в то же время будто из соседней комнаты. Магия, которую мы только что открыли друг другу, была нашей; туман, настойчиво заполнявший сознание, пришёл извне. Где-то за толщей стен продолжал играть оркестр, в соседних залах танцевали ничего не подозревавшие люди, и я успел с яростью подумать, что кто-то превратил государственный дворец в ловушку, рассчитывая на нашу взаимную неприязнь.

Затем свет погас так внезапно, словно кто-то сомкнул крышку над самим миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.